

ОСЕТИНЫ МОЛЯТСЯ СТОЯ

ЗАУР БАГИЕВ

18+

Багиев Заур

Осетины молятся стоя

«Автор»

2026

Заур Б. В.

Осетины молятся стоя / Б. В. Заур — «Автор», 2026

Что важнее в современном мире: покой, купленный ценой компромисса с совестью, или древняя честь, ради которой придется рискнуть всем? Студент-историк Заур молод, горяч и категоричен. Он отказывается мириться с тем, что заветы предков уступают место жажде наживы, а великая культура растворяется в равнодушии. В то время как его мудрый дед Бека и уставший от несправедливости отец Урызмаг предпочитают занимать позицию невмешательства, доверяя суд над людьми Всевышнему, Заур бросает вызов самой системе.. Когда древнее святилище в горах тайно продают под частную застройку, именно этому юноше предстоит встать на пути строительной техники. Эта борьба обернется жестоким противостоянием, которое подвергнет испытанию на прочность не только семью Заура, но и пробудит уснувшую гордость всего аула. А пророческий сон о загадочной красавице неожиданно приведет героя к сильной и всепоглощающей первой любви.. Это живая, кинематографичная драма о столкновении поколений и мучительном поиске истины.

© Заур Б. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Анонс повести	5
Конец ознакомительного фрагмента.	49

ОСЕТИНЫ МОЛЯТСЯ СТОЯ

Анонс повести

Главным героем книги является студент истфака СОГУ, молодой человек по имени Заур. Его мудрый дед Бека в отношениях с людьми выбрал позицию невмешательства — большой жизненный опыт выработал в нём стойкую уверенность в том, что изменить сознание людей по собственному желанию невозможно. Благодаря природному чутью и интуиции он правильно воспринимает жизнь и её аспекты, но внушать своё понимание другим считает делом бесполезным. При этом его позиция, базирующаяся на вечных истинах, прочна и не поддаётся внешнему влиянию.

Сын Бека Урызмаг — человек кристальной честности. В юности, вопреки заверениям отца, он поверил в идею материализма, однако под негативным влиянием общества с годами утратил эту веру и, устав бороться, опустил руки.

Старший сын Урызмага и брат Заура, Батрадз — человек иного склада, он принимает окружающую жизнь такой, какой её застал, и не пытается ничего изменить.

Само собой разумеется, что при такой социальной позиции общая ситуация в любом обществе будет оставлять желать лучшего. Однако образ главного героя и его поступки смогут поколебать сложившуюся в сознании старших и кажущуюся им незыблемой модель мироустройства, заставят взглянуть на проблему под другим углом и поверить в действенность активной позиции человека. Главный вопрос — в выборе пути её реализации. Примут ли старшие новшества полностью? Чем они могут помочь равнодушному Зауру в его бескомпромиссном желании изменить жизнь? Что могут дать ему, опираясь на свой жизненный опыт? И самое важное — произойдёт ли взаимный культурный обмен поколений, благодаря которому жизнь получит новый толчок к развитию?

Глава 1

Стремительно взлетев по лестнице на третий этаж, Заур торопливо открыл своим ключом дверь и с шумом ворвался в собственную квартиру. Выходящий из кухни отец, опешив от неожиданности, замер в узком проходе коридора.

«Ты что... спятил?!» — спросил слегка ошарашенный Урызмаг, вопросительно взирая поверх очков на взъерошенного сына.

«Всё, сессию закрыл, теперь можно ехать!» — почти выкрикнул парень и, кинув папку с тетрадами на обувницу, принялся, не развязывая шнурков, снимать туфли.

«И куда это ты собрался?» — спросил отец, слегка наклонив подёрнутую седой, аккуратно стриженную голову. Он стоял, облачённый в домашнюю пижаму, со свежей газетой в руке и, ожидая ответа, вопросительно смотрел на своего отпрыска.

«К деду, па!.. К деду!.. Ты же знаешь, праздник на носу», — Заур недоумённо посмотрел на комично выглядевшего в роговых очках мужчину и отчего-то насторожился. Урызмаг покачал головой.

«А это не тебе решать, брат, не тебе... Я ещё погляжу, что с тобой делать», — он повернул голову в сторону кухни и громко позвал: — «Афсин!.. Пожалуйста, выгляни на секундочку, посмотри на наше „неповторимое“ чадо. Он тут, по-моему, собрался взять бразды правления в свои руки».

Из кухни в коридор неторопливо, плавной походкой, вышла красивая дородная женщина с раскрасневшимся лицом.

«Что за шум, а драки нет?» — женщина с добродушной улыбкой оглядела своих насупленных мужчин, молча стоящих друг против друга.

«Драки, я думаю, и не будет, а вот порка не исключена!» — Урызмаг взглянул на супругу и, тяжело вздохнув, не спеша направился в ярко освещённую гостиную. Удобно устроившись там на своём «любимом» диване, он буднично продолжил:

«Расскажи, маэ цин, нашему наследнику о его детских заблуждениях насчёт его свободы...»

Ацырухс, так звали мать Заура, аккуратно прикрыла двери гостиной и с яростным шёпотом обрушилась на растерявшегося сына.

«Ты что дверь ломаешь, а?!.. Ну сдал — и сдал!.. И что?.. Можно подумать, у тебя был выбор!.. А ну марш мыть руки, ведь сейчас будешь есть просить, да?..»

Женщина замерла, ожидая реакции сына, но, не дождавшись, решительным движением сняла с насупившегося сына бейсболку и положила на верхнюю полку.

«Марш в ванную, мыть руки, обалдуй!..»

Словно очнувшись от забытья, Заур торопливо рванул молнию куртки вниз и, рывками снимая её, угрожающе зарычал.

— «Хорошо... я вам покажу, что значит кушать!.. Подавайте слона!.. Я его сам съем!.. Один!.. Держитесь теперь, други мои!..»

Заур решительно зашагал в сторону ванной.

Ацырухс, пряча улыбку, проводила его взглядом.

Двадцатилетний Заур был одним из трёх детей Урызмага и Ацырухс.

Их старший сын Батрадз был давно женат и жил отдельно, воспитывая двоих детей: трёхлетнюю девочку и пятилетнего неугомонного мальчишку. Вечно занятый, с головой погружённый в заботы своей службы капитан полиции Батрадз, к сожалению, довольно редко появлялся в родительском доме. Внуки же, Аслан и Мадина, напротив, из-за тотальной занятости родителей очень много времени проводили в гостях у деда с бабушкой. Что творилось в это время в их трёхкомнатной квартире, трудно поддаётся описанию, но тем не менее визиты этих малышей всегда были большой радостью для бабушки с бабушкой. Обычно строгий и бескомпромиссный по отношению к собственным детям Урызмаг в руках расшалившихся внуков становился мягким и податливым, как пластилин, что вызывало молчаливое понимание и одобрение у всех остальных членов семьи.

Младшим, третьим ребёнком Урызмага и Ацырухс была шестнадцатилетняя своенравная Агунда. Ещё вчера она была угловатым, непоседливым подростком, а теперь буквально на глазах стремительно превращалась в ослепительно красивую девушку. «Бонусом» к её привлекательной внешности шли строптивый характер, гибкий ум и неженская практичность. Это делало девушку — при любой попытке в чём-либо посостязаться с ней или поспорить — весьма неудобным соперником для оппонента.

— «М-да... эта подружка станет для кого-то большим, но непростым „подарочком“, — часто говаривал Урызмаг, с улыбкой глядя на своенравную дочь и не желая признаться даже себе, что дочь — его точная копия как внешне, так и характером. А потом всегда добавлял, глядя на упрямо фыркавшую по какому-либо поводу Агунду: «Над ней нужно будет серьёзно поработать, иначе проблем не оберёмся».

Заур — младший сын — оканчивал исторический факультет местного госуниверситета и пребывал как раз в своём самом беспокойном возрасте. Если бы не излишняя горячность и торопливость, то Заур являл бы собой идеальный образ осетинского юноши, о котором родителям можно только мечтать. Будучи открытым и добродушным, как мать, он одновременно сочетал в себе и отцовскую бескомпромиссность. Благодаря этому он постоянно ввязывался в какие-нибудь скандальные истории, чем держал в постоянном напряжении свою семью и ближайших родственников.

В отличие от старшего брата, который находил современное устройство жизни общества вполне приемлемым, и младшей сестры, озабоченной пока что только вопросами своей инди-

видуальности и непременно триумфальной самореализации, Заура совершенно не устраивало то, как сегодня обстоят дела с национальным самосознанием его соплеменников. Ему было до слёз обидно наблюдать за тем, с какой скоростью захватывают пресловутые «свободные» нравы души и сердца его сородичей.

Соперничая друг с другом в бесконечной погоне за материальным достатком, они, как он искренне считал, совершали смертный грех, совершенно позабыв о завещанных предками нравственных устоях. Будучи по-юношески категоричным и горячим, Заур, не задумываясь, шёл на любой конфликт, если только ему казалось, что попираются нравственные законы древнего осетинского мироустройства. Ведь только в соответствии с ними должна протекать жизнь потомков великих нартов. А как иначе?..

Подчиняясь какому-то внутреннему, понятному лишь одному ему, призыву, Заур был буквально одержим этим своим стремлением вновь воссоздать когда-то пошатнувшийся нравственный уровень своего народа. Но как это сделать?.. Ведь нужно было знать, как это сделать?!.. И после долгих поисков и сомнений это жгучее желание предсказуемо привело его в упомянутый выше вуз.

И он не ошибся!.. Именно тут ему удалось окончательно сформировать свои человеческие убеждения, опирающиеся на нравственную дисциплину, самоотдачу и беззаветное служение своему народу.

Чуть позже, там же, он познакомился с трудами и жизнедеятельностью своих знаменитых земляков, ставших для него в дальнейшем тем нравственным примером, на который он всегда равнялся.

Коста Хетагуров — великий поэт-гуманист, основоположник осетинского литературного языка. Васо Абаев — выдающийся учёный, создавший этимологический словарь осетинского языка, что для понимающего человека является подвигом, достойным великих нартов!.. Нафи Джусойты — мыслитель и мудрец. Художник Азанбек Джанаев, сумевший выразить в своих картинах старинный уклад, доблесть и труд ушедших поколений. Махарбек Туганов, непревзойдённый певец нартского эпоса, и многие другие незаурядные люди, посвятившие свои жизни сохранению национальной души и человеческого достоинства. Да не будут никогда забыты их имена!

Прочитав на третьем курсе Нартский эпос — а читал он его не отрываясь почти месяц, совершенно выпав из окружающей реальности, — Заур на некоторое время стал каким-то странным и отстранённым. Было совершенно очевидно, что у него в душе шла нелёгкая борьба.

Затем он нарвался на книгу Михаила Булкаты «Седьмой поход Сослана Нарты», и в его сознании произошёл переворот.

В этом произведении далимоны (нижние духи), а в простонародье — черти, будучи не в силах справиться с нартами в открытом бою, создали обладающее волшебной силой озеро забвения. Хитростью заманивая под предлогом отдыха нартов к себе, они заставляли их окунаться в проклятые воды, и великие герои сразу забывали, кто они и откуда. Потеряв память, они начинали всей своей силой и доблестью преданно служить своим новым хозяевам. По их наущению они украли с неба и посадили на цепь Ацырухс, свою мать-солнце, дарующую всему миру свет и тепло. Совершенно забыв, кем были, они ревностно охраняли покой и власть тёмного мира, абсолютно убеждённые, что это их главная жизненная задача. И лишь Сослан, обладавший не только силой, но и завидной смекалкой, не дал себя обмануть. Перехитрив врагов, он вновь окунул в озеро всех обеспамятевших и попавших в невольное рабство осетинских героев и вернул им память. И когда они пришли в себя и собрались в единый кулак, то не было больше силы, способной противостоять им.

Героические образы Урызмага, Хамыца, Батрадза, Чермена Тлатова, Хазби Аликова и многих других персонажей этой книги непрестанно жгли душу Заура, не позволяя ему сквозь пальцы смотреть на проявления людской непорядочности.

Позже он прочёл историю жизни Хазби Аликова, который погиб в двадцать восемь лет, защищая родное ущелье от карательного отряда генерала Абхазова, и всем своим существом вдруг ощутил, что теперь не сможет жить так, как прежде!.. К сожалению, в силу своего возраста он ещё не в силах был понять, что это не так просто.

Являясь человеком действия, Заур со всем присущим его молодости рвением и энергией взялся за дело возрождения человеческого начала в окружающих его людях. Но, несмотря на то что намерения юноши были чистейшими и должны были нести пользу, он совсем не пользовался всеобщей любовью и пониманием. Ведь он требовал от людей того, чего они делать не хотели, да уже, наверное, и не могли. У него регулярно возникали проблемы с Уголовным кодексом, каноны которого, конечно, зачастую шли вразрез с его поступками. Ввязываясь в очередную переделку, он не только срывал свои планы, но и нарушал спокойное течение жизни всей своей семьи, заставляя всех волноваться и переживать за него.

Вполне объяснимо, что Урызмаг, безмерно любящий своего неугомонного сына, опасался за будущее своего наследника и потому часто вполне осознанно осаживал его, призывая сделать над собой усилие и переосмыслить свои взгляды на жизнь.

Споры отца с сыном зачастую носили очень даже принципиальный характер. Урызмаг пытался объяснить Зауру, что взрослого, но плохо воспитанного человека уже не изменишь разговорами, и с ним должны работать исключительно правоохранительные органы. Сын же утверждал, что надежда на это очень призрачна, и необходимо, чтобы в обществе было как можно меньше равнодушных индивидов, потакающих подобным людям своим бездействием. Кроме того, для провинившихся непременно должно существовать и адекватное наказание. Только тогда жизнь всего общества поднимется на достойный для людей уровень.

Подавляя сына своим жизненным опытом и авторитетом в этих непрекращающихся спорах, в душе Урызмаг гордился своим отпрыском, уважая в нём те смелость и веру, которых когда-то не хватило ему самому. Сидя на диване, он механически пробежал глазами по строчкам газетных статей, в которых авторы, занимаясь тонким подлогом, то пытались выдать чёрное за белое, то призывали к непримиримости и «праведной» мести, то соблазняли шикарным отдыхом на морском побережье, совершенно игнорируя материальный уровень простых людей. Этим они вызывали у него в душе лишь агрессивное отторжение и лёгкое чувство брезгливости. Он печально размышлял о происходящем в этом мире, словно кем-то вывернутом наизнанку, в котором стремление к добру почему-то всегда кончается большой человеческой болью, а ложь и несправедливость — благоденствием. Почему так?.. В чём ошибка?..

Урызмаг понимал, что, поощряя стремления сына, он обрекает его на очень беспокойную и непростую жизнь. Но, понимая его правоту, он не имел сил запретить ему быть порядочным человеком и настоящим мужчиной. Снова с теплотой в душе он вспомнил их недавний, продолжительный спор, в котором Заур, стоя перед отцом, в очередной раз горячо доказывал правильность своих действий в им же самим спровоцированном конфликте.

— «Па!.. Она сидела в сквере и, никого не стесняясь, курила! Я вежливо попросил её парня, чтобы он прекратил это, но нарвался на мат. Мне что, надо было промолчать и уйти?!»

— «Да!» — коротко ответил Урызмаг, исподлобья глядя на разгорячённого сына. — «Ты что, не знаком с современными порядками?.. Да и зачем ты вообще к ним полез?..»

Заур, чуть наклонив голову, замер в недоумении.

— «Агунда была со мной!..»

— «Ну и что? Она бы всё поняла, не маленькая уже», — произнося эти слова, Урызмаг почувствовал неловкость и стыд за свою неискренность.

— «Извини, па, но мне было бы трудно после этого объяснить моей сестре и твоей дочери тот факт, что женщины, и тем более девушки, не должны курить. Кроме того, вряд ли порядочная осетинка согласится выйти замуж за парня, который после нанесённого оскорбления

молча повернётся и уйдёт. И ты ведь понимаешь почему, па?!..» — Заур с хитрым прищуром посмотрел на отца.

Пытаясь скрыть свою растерянность, Урызмаг неловко закричал. Он сам поощрял сына на подобные слегка панибратские отношения, но иногда благодаря этому попадал в неудобное положение. Он хотел, чтобы между ними было человеческое доверие, и всегда неустанно повторял, что спорить можно даже с отцом, но обязательно в надлежащей, уважительной форме. Собравшись наконец с мыслями, Урызмаг иронически посмотрел на сына и принялся медленно, словно несмышлёнышу, объяснять:

— «Я твержу не о том, как оно должно быть, а о том, как оно есть сегодня. Это тебе понятно?..»

— «Конечно, я всё понимаю, па! И даже то, почему ты так говоришь», — Заур понимающе покачал головой. — «Ты переживаешь за меня... Однако если мы все будем так себя вести, то „как должно быть“ может, никогда и не наступить. А без этого нам не выжить!.. Мы просто исчезнем с лица земли».

Глубоко вздохнув, Урызмаг опустил голову и с сожалением произнёс:

— «Лучше бы ты у меня на стройке работал!.. Может, тогда было бы с тобой попроще... Пошёл прочь с глаз моих, революционер недоделанный!» — оборвал неудобный спор Урызмаг. Отвлёкшись от своих воспоминаний и отложив наконец в сторону надоевшую газету, мужчина с удовольствием откинулся на спинку дивана. Он, о чём-то размышляя, долго неподвижно сидел, рассеянно уставившись стеклянным взглядом в давно надоевший ему телевизор.

Через некоторое время Урызмаг очнулся и вернулся в реальность.

— «А что, если действительно засунуть его на лето на стройку? Пусть немного поостынет и позабудет о своих навязчивых идеях... а?..» — в задумчивости, насупив брови, Урызмаг снял очки и протёр сморщенный лоб. — «Нет, не получится... Да и Бека будет ждать».

Урызмаг еле заметно улыбнулся.

— «Вот ведь „два сапога пара“!.. Этот тоже не потерпит задержек. Праздник ведь на носу, да снизойдёт на нас его благодать. Мне и самому уже давно надо бы быть там, но с этой работой...» — лениво вытянув уставшую шею, Урызмаг медленно прикрыл уставшие глаза.

— «Ты что такой хмурый?» — в дверях гостиной, подперев плечом косяк, с вопросительным взглядом стояла Ацырухс.

Обернувшись на знакомый голос, Урызмаг недовольно поджал губы. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, затем он медленно отвернулся и нехотя ответил жене.

— «Я нормальный...»

Вместо слов Ацырухс многозначительно хмыкнула.

Услышав этот звук, Урызмаг, не оборачиваясь, вяло продолжил.

— «На работе заказчик опять деньги задерживает. А мне что делать? Что работягам говорить?.. Прораб-то я!»

— «Я так и поняла... Ну что поделаешь, время такое. А люди тебя знают!»

— «Мне от этого не легче».

— «Сейчас всем нелегко... А при чём тут наш мальчик?..» — шагнув в сторону мужа, Ацырухс мягко улыбнулась.

— «Ему не мешает. Давно мы из-за него по милициям не бегали?.. Или забыла?..»

— «Слушай, старикашка! Что-то ты стал слишком часто бурчать!»

— «А что, не пора? Как-никак уже шестой десяток разменял».

В этот момент в гостиную вальяжно вошёл Заур. После плотного обеда на его лоснящемся лице играла довольная улыбка. Чмокнув мать в щёку, он подошёл к отцу.

— «Па, сейчас будет классный фильм! Тебе надо обязательно посмотреть»

— «Сами смотрите свои фильмы, а я отдохну... Устал...» — с этими словами Урызмаг встал и, по-стариковски шаркая ногами, направился в спальню. Сделав несколько шагов, он лениво обернулся и негромко спросил: «А где Агунда?»

— «Как всегда, у себя... Висит на телефоне... Сейчас я ей жизнь испорчу!» — многозначительно пригрозила Ацырухс, шагнув в сторону комнаты дочери.

— «Не смей трогать мою дочь!.. В отличие от тебя, она из высшего сословия», — слегка повысив голос, остановил жену Урызмаг.

— «Иди, иди, аристократ...» — Ацырухс, привыкшая к шуткам своего супруга, добродушно махнула ему вслед рукой. — «Со своей дочерью я сама разберусь»

Бросив через плечо на неё добродушный взгляд, Урызмаг ушёл к себе.

Глава 2

Бека, отец Урызмага и дед Заура, суровый, вечно насупленный старик, безвыездно жил в древнем горном ауле. Он был неторопливым и немногословным человеком. Даже со своей супругой Даткин он чаще объяснялся скупыми, с годами выверенными жестами рук, нежели словами. Лишь изредка после тяжёлого взгляда на собеседника из его уст можно было услышать приправленное хрипотцой скупое «э-э-эх». При этом Бека имел репутацию очень доброго и гостеприимного человека, всегда готового помочь своему ближнему. Являясь смотрителем местного святилища покровителя воинов и путников, Уастырджи, праздник в честь которого должен наступить через пятнадцать дней, он, готовясь к святому действию, уже неделю соблюдал строгий пост и приводил в порядок специальную одежду. Он вычистил старую черкеску, доставшуюся от отца, надраил доставшийся от него по наследству старинный кинжал с наборным серебряным поясом и усердно молился два раза в день, приводя в порядок свои мысли и чувства. Он прекрасно осознавал, насколько опасно появляться в святом месте с тяжестью и грязью в душе, и берёт себя. В этот период он всегда был особенно замкнутым и сдержанным, стараясь ни с кем не встречаться и не спорить.

Столкнувшись когда-то в молодости с бескомпромиссностью ярых борцов против религиозных культов, Бека прочно усвоил, что спорить с теми, кто не стремится прийти к взаимопониманию, совершенно бессмысленно, и замолчал, предоставив этих слишком ретивых борцов за свободу от религиозного опиума суду высших сил. Тем не менее он не опустил руки — просто перестал доказывать свою правоту, понимая, что если Господь хочет наказать человека, то, прежде всего, лишает его разума. И разве помогут тогда слова?..

Наблюдая в дальнейшем за судьбами этих людей, Бека чувствовал, как его сердце наполняется безжалостно грызущим сожалением. Он видел все страдания, через которые проходили эти несчастные и их младшие, и ему было совестно. Он ведь предвидел это многими годами ранее, но ничем не смог помочь. Его не слышали!.. И эта горечь из-за собственного бессилия и сделала его таким неразговорчивым и неулыбчивым человеком. Он даже не мог, для их же блага, жёстко противостоять этим людям, потому что они были его соплеменниками, односельчанами, и он не хотел идти с ними на жёсткий конфликт.

Осетинское общество имеет ярко выраженный индивидуалистический характер и не терпит никакого диктата со стороны, особенно в духовной сфере. Есть «агъдау», который нужно соблюдать, ну а как его трактовать — тут уже каждый себе «барин».

Бека был человеком глубоко верующим, но совсем не религиозным. Он многое видел в своей жизни и понимал, что под внешним благочестием и добротой зачастую скрываются малодушие, лицемерие и жестокость, а за внешней угрюмостью и неуживчивостью может стоять открытая и отзывчивая натура. Он был абсолютно убеждён в том, что нравственное начало совершенно не зависит ни от национальности, ни от сана священнослужителя, ни от уровня материального благополучия человека. Для него было неважно, как молится человек, если в основе его понимания лежит глубокая вера, которая подразумевает в человеке трепетное, бережное отношение ко всему живому. Такой человек не делит мир на своё и чужое и не угро-

жает никому, поскольку знает, что все и каждый являются Божьим творением. Тем более что только родные и близкие человеку культурные ценности могут затронуть и пробудить в нём лучшие нравственные качества. В этом он был убеждён. И, напротив: мудрый старик с подозрением относился к «новообращённым» религиозным адептам, когда видел, что подоплёкой метаморфоз в их сознании в большей степени является материальный интерес, нежели поиск истины.

Занятый этими мыслями, Бека не спеша шёл знакомой дорогой к святилищу. Благодаря его размеренно бегущим размышлениям путь давался ему легко и не казался утомительным.

— «Дед, а почему у нас святое место на том холме?..» — стоя перед сидящим на крыльце дедом, Заур, тогда ещё подросток, указывал в сторону святого места, дзуара.

От этих воспоминаний о давнишней беседе с внуком на душе у Бека слегка потеплело. Погладив вихрастую голову мальчика, мужчина доброжелательно улыбнулся.

— «Понимаешь, мальчик... Мы устанавливаем свои места для молитв не где попало, а лишь там, где проявила себя воля высших сил», — радуясь возможности поговорить с внуком на такую важную тему, Бека отложил в сторону черенок лопаты, который подгонял к тулейке полотна, и повернулся к внуку. Он посадил его перед собой на маленький трёхногий стульчик и многозначительно продолжил.

— «Мы считаем, что человек не может создать что-то более совершенное, чем уже создал Господь, и поэтому предпочитаем молиться под открытым небом».

Дед ласково всматривался в пытливые глаза внука, тщательно оценивая, насколько тот его понимает. По сведённым бровям Заура было явно видно, что эта беседа его очень заинтересовала.

— «Помнишь, как сказал Коста: „Весь мир — мой храм, любовь — моя святыня, вселенная — отечество моё“?..» — Бека сделал небольшую паузу, оценивая произведённое впечатление, а затем назидательно продолжил: — «Я считаю, что этот человек очень точно описал, какой должна быть у человека душа!..»

— «А на нашем святом месте почему сделали дзуар?» — спросил Заур, чуть раскрыв пухлые детские губы. Он заворожённо смотрел на белобородого деда, воспринимая старика как носителя какой-то большой, неведомой для остальных тайны. Бека, радуясь столь настойчивой пыливости внука, добродушно улыбнулся и снова заговорил.

— «Понимаешь, когда-то давно, лет сто назад, молодой охотник, наш односельчанин, случайно отбившись в лесу от товарищей, заблудился в малохоженных лабиринтах незаселённых соседних ущелий. Всю ночь он пытался найти какую-нибудь ведущую к людям дорогу и в один момент, неудачно поскользнувшись в темноте, сломал себе обе ноги. Понимая, что непременно погибнет, если его не найдут в течение двух дней, он, преодолевая мучительную боль, из последних сил полз по усыпанной камнями звериной тропе. Временами из-за усталости, голода и жажды он терял сознание, беспомощно распластавшись на еле заметной тропе. Уже глубокой ночью, придя в себя после очередного обморока, он увидел у края тропы благообразного старика в старинной боевой одежде, с доброжелательным интересом и сочувствием наблюдавшего за его страданиями. Не ожидавший этой встречи охотник приподнялся на руках и, глядя на волшебным образом возникшего перед ним человека, попытался понять, кто это и как сюда попал!.. Но незнакомец вдруг сам заговорил с ним ровным, доброжелательным голосом».

— «Ты молодец! Таким и должен быть мужчина... Не сдавайся! Тебе осталось совсем немного... Оглянись», — старик, фигура которого излучала в темноте светло-золотистый свет, неторопливым жестом повел рукой влево от себя. С усилием повернув голову, охотник увидел лишь вершины погруженных в ночную тьму хаотически нагроможденных скал и хотел было спросить у старца, зачем он так жестоко шутит над умирающим человеком, как вдруг картина перед его глазами стала размываться и постепенно обрела контуры хорошо знакомой аульной

окраины. Осмотревшись, парень увидел себя и стоявшего рядом с ним человека на холме у околицы спящего глубоким сном села. Удивившись, он повернулся в сторону незнакомца и заглянул в его доброжелательное лицо. Встретив взгляд, тот приветливо улыбнулся, слегка тряхнул плюмажем из конских волос на позолоченном шлеме и тем же тоном произнес:

— «Вот видишь, ты уже добрался... А вон и люди к тебе спешат».

Посмотрев в сторону спящего аула, охотник действительно увидел нескольких мужчин, бегущих к холму. Ему страстно захотелось узнать, как это получилось, но, обернувшись, парень уже никого не обнаружил.

— «Кто ты... старик?.. Кому я обязан жизнью? Скажи!..» — мелькнул в его голове немой вопрос, смешанный с сожалением об упущенной возможности пообщаться подольше с загадочным незнакомцем.

— «Уастырджи...» — так же неожиданно возник в его голове ясный ответ.

— «Дай мне поблагодарить тебя хотя бы?.. Не уходи?» — снова, но теперь уже волевым усилием, мысленно попросил вновь теряющий сознание охотник, но ответа не получил.

Позже люди, сопоставив все факты, поняли, что это было не простым стечением обстоятельств, а целенаправленным вмешательством высших сил. Как потерявшийся в соседнем ущелье охотник с переломанными ногами оказался на том холме?.. Почему несколько мужчин селения без всяких на то причин в ту ночь не могли уснуть и сразу заметили возникшее в темноте свечение на его вершине?.. И почему при приближении односельчан к холму этот яркий сгусток света, разрезав ночное небо, молниеносно исчез?..

Даже если рассказ самого охотника можно было списать на горячечный бред обессиленного человека, то объяснить всё остальное с материалистической точки зрения было невозможно. И после аульного схода наши старшие решили основать здесь место для молений, то есть дзуар. «Теперь тебе понятно, почему?..» — завершая своё повествование, спросил Бека внимательно слушавшего внука.

— «По-о-онял...» — восхищённо протянул мальчик, не мигая глядя на деда большими доверчивыми глазами. — «Так ему помог не Бог, а Уастырджи? Да, деда?..»

— «Нет, внучок... Именно Бог ему и помог. Всё в этой жизни только по воле Божьей. А Уастырджи — его ангел, посланник Бога. Его часть. Покровитель нас, мужчин».

— «Только мужчин?.. А как же женщины?» — немного разочарованно спросил Заур, слегка обидевшись за любимую маму и сестру.

— «У них есть свой ангел, Мады заэд!.. Первым в молитве мы всегда произносим имя Единого и Всемогущего Господа, затем — Уастырджи, а уже третьей мы всегда упоминаем Мады заэд, покровительницу женщин и маленьких детей. Ведь все мы, всё сущее на Земле, являемся частью Бога. Господь может принимать любые формы. И есть много Божьих ангелов, ответственных за разные области человеческой жизни. Человеку разумом Господа не объять, его можно только чувствовать. Ведь Бог — есть любовь», — Бека с улыбкой смотрел на Заура, буквально чувствуя, как кипит разум мальчишки, стремящийся осознать то, что только что рассказал ему дед.

— «В Осетии много подобных святых мест. С течением времени некоторые из них предаются забвению, другие, недавно отмеченные Божьим благом, напротив — активно используются людьми. Ведь человек не может жить без души... Но это тебе пока сложно понять. Вот подрастёшь, тогда снова поговорим. Договорились?.. Ну а теперь беги, играй».

Бека, шагая по неширокой дороге, в задумчивости покачал головой.

— «Да-а-а... трудно сохранить душу, если тебя объявляют неверующим только потому, что ты не так молишься, как принято у кого-то».

Размеренно шагая, Бека сосредоточенно размышлял. Он понимал всю уникальность вероучения, которому служил. В нём исключалось участие посредников, и поэтому он вполне осознавал всю невероятную сложность его сохранения сегодня у осетин.

«Конечно, это непросто!.. Самому отвечать за все свои решения и поступки, не сваливая вину на других, — нервно сжимая кисти сложенных за спиной рук, думал Бека. — Но уступить кому-то своё право на общение с Богом — преступление, которое в большинстве случаев приводит к печальным последствиям. Чужая душа — потёмки! И часто при внешнем благообразии человек может быть раздираем сжигающими душу страстями».

Бека искренне был убеждён, что для приведения человека к вере нельзя применять давление. Он считал, что желание человека любить Бога должно рождаться не благодаря чьим-то воздействиям извне, а должно пробуждаться глубокой внутренней убеждённостью в том, что это единственно возможный, верный путь. А эта убеждённость может появиться только в случае, если человек сам несёт за себя ответственность перед Богом!.. И этот выбор должен быть результатом огромной духовной работы человека, стремящегося понять смысл своего существования.

Сам он пришёл к вере не сразу, и это был нелёгкий путь. Бека вспомнил, как в семнадцать лет попал в серьёзный переплёт и в первый раз сознательно помолился, истово прося помощи у Бога. Он вспомнил ту тёмную, глухую ночь, когда, успокоив своего коня, в напряжении замер в густой тени низкорослого кустарника, выжидая, когда рыскающие по роще милиционеры отдалятся от его убежища. Часом ранее он выстрелил из винтовки в председателя своего колхоза, который в сопровождении милицейского наряда возвращался в город.

— «Да-а-а... Давно это было...» — Бека чуть заметно прикрыл веки.

В тот памятный вечер, когда солнце, почти скрывшееся за скалами, разбрасывало вокруг багряные тени, Бека с отцом возвращались со своей тайной делянки, находящейся в начале соседнего незаселённого ущелья. В то время было запрещено иметь приусадебные участки, но Гурджен, отец Бека, нарушая бессмысленный закон, засеял в этом ущелье два обширных участка кукурузой и ячменём и в маленьком сарае привязал бычка. Отец с сыном уже подошли к селу, когда им навстречу верхом на хорошо откормленном вороном жеребце, в сопровождении трёх представителей конной милиции, выехал угрюмый председатель колхоза.

— «Добрый день, Гурджен!» — остановив коня, поздоровался председатель, с игривой усмешкой склонив набок голову в коротко стриженной кубанке.

— «И тебе доброго дня, Афако!» — огромный Гурджен остановился и спокойно взглянул в лицо нахмуренного председателя колхоза. Юный Бека стоял справа, чуть позади отца.

— «Почему на работе не был?»

— «Занят был», — ровным голосом спокойно ответил Гурджен.

— «Чем?» — председатель удивлённо поднял брови.

— «Пытался накормить своих детей», — не меняя тона, снова обронил Гурджен.

«А страну кто кормить будет, а?.. Дядя?..» — председатель, резко распаясь, сильно натянул повод лошади, чем заставил её чуть не присесть крупом на землю. Тот не отдавал повод, и, не понимая команды, конь судорожно храпел, нервно переступая стройными ногами. Неподвижно сидящие в своих сёдлах милиционеры равнодушно наблюдали за происходящим.

«А моих детей кто кормить будет?» — чуть сдвинув брови, спросил напирającego конём председателя Гурджен.

«Я тебя, кулацкую сволочь, проучу!» — яростно прохрипел в ответ мужчина и, привстав в поплёскивающих на солнце стремянах, наотмашь хлестнул Гурджена зажатой в правой руке нагайкой. Рванувшийся вперёд Бека наткнулся на выставленную в сторону отцовскую руку. Сам же Гурджен даже не шевельнулся. Он лишь исподлобья взглянул на председателя, и от этого взгляда тот вдруг как-то сразу осёкся, осел, забегал глазами и, собрав повод, стал оживать возбуждённого скакуна. Немного успокоив лошадь, он, уже не глядя на Гурджена, махнул рукой своим сопровождающим и, резко развернув хрипящее животное, стремительным галопом помчался прочь. Проводив его тяжёлым взглядом, Гурджен повернулся к стоящему с бледным лицом сыну.

«Ты что, спятил?!.. Или в Сибирь захотел?.. С ними так нельзя! Тут надо с умом!..» — он отвернулся от Бека, провёл рукой по вспухшей под рубашкой от удара коже и стиснул зубы. Больше до дома они не произнесли ни слова, происшедшее навсегда осталось между отцом и сыном.

Через месяц пришла весть. Председатель чудом остался жив, неожиданно попав по пути во Владикавказ под сильный камнепад. Местные жители диву давались этой новости. В этом месте никогда не случались обвалы. Сам председатель, сразу заподозривший в этом что-то неладное, стал значительно осторожнее и намного тише.

И вот теперь Бека, вновь подкарауливший его на дороге, видел, как после его выстрела тот медленно сполз с седла и упал на руки двум едва подоспевшим милиционерам. Остальные сразу же бросились прочесывать зажатую между двумя холмами рошу, откуда и прозвучал этот неожиданный одиночный выстрел. Затаившись, с гулко бьющимся сердцем, Бека внимательно наблюдал за мельтешащими вокруг его укрытия темными силуэтами и горячо взывал к помощи Уастырджи. И вдруг чудо произошло. Отчего-то разделившись на две группы по три человека, милиционеры начали с двух сторон охватывать рошу, совершенно оставив без внимания ее хорошо освещенный луной центр.

«А вот и он... шанс!» — мелькнуло у Беки, и он, резко сжав крутые бока коня, от души хлестнул скакуна по мощному округлому крупу. Вздрыгнувшее от боли животное прыжками вынеслось из роши и бешено помчалось в сторону темнеющего в туманной дали горного массива. Позади Бека слышал яростные крики людей и гулко отдающиеся в ночной тиши беспорядочные винтовочные выстрелы...

Старик улыбнулся своим воспоминаниям. Да, тогда ему повезло. Через несколько дней, услышав о произошедшем, Гурджен позвал сына и пристальным взглядом посмотрел на стоящего перед ним с невинным видом Бека. Юноша спокойно стоял, плотно сжав губы, и взгляда своего не отвёл. Гурджен не сказал ни слова...

«Хорошо, что я тогда не убил его», — довольно подумал старик.

Председатель был тяжело ранен, но остался жив. Он не стал раздувать это дело и на вопросы дотошного следователя отвечал, что никого не подозревает и даже не предполагает, кто бы это мог быть. После выздоровления он подал рапорт с просьбой направить его на работу вне территории Осетии, так как ездить по горам ему после ранения было тяжело. Его желание было сразу же удовлетворено. На этом всё и закончилось.

Размеренно шагая по пыльной сельской дороге, Бека наконец вышел за околицу аула. Свернув на широкую, вьющуюся между валунами тропинку, он направился к роше, за которой и находилось древнее святилище. Смотрителем этого места, по воле случая, он стал всего три года назад. Тогда на ежегодном сельском сходе, ссылаясь на наступившие тяжёлые времена и острую необходимость моральной поддержки людей, старики долго уговаривали его принять на себя эту обязанность. И, конечно же, большую роль тут сыграла его репутация. Репутация человека, которого, несмотря на прожитую им долгую жизнь, в ауле никто ни в чём не мог упрекнуть. Но больше всего его потешило то, что особенно настойчивыми в своих уговорах были те, кто много-много лет назад на фронте борьбы с местными культами получал от прежних властей и карьерный рост, и почёт, и житейские привилегии.

— «Неисповедимы пути твои, Господи!» — Бека поднял голову и, улыбнувшись своим мыслям, громко хмыкнул. Мгновенно осознав своё поведение, он замер и стыдливо огляделся вокруг: не видел ли кто... — «Не хватало ещё, чтобы поползли слухи, что дзуары лаг на ходу с ангелами разговаривает. Вот же, старый...» — он с беспокойством ещё раз осмотрелся и, никого не обнаружив, спокойно зашагал дальше.

Глава 3

Урызмаг сидел в «прорабской» за окрашенным в серый цвет широким столом и, опустив взгляд, пристально рассматривал свои руки. Напротив него, в рабочей робе, сидел седоволосый

старик с густыми усами и из-под нависших бровей угрюмо глядел на своего более молодого начальника.

— «Что я могу, Тотраз?!.. Ты ведь меня знаешь!.. Если бы всё зависело от меня, вы бы сразу получали все свои деньги. А так...» — слова глухо отдавались от деревянных стен узкого строительного вагончика.

— «Тебя-то мы знаем, потому я и пришёл сюда один... Парням нужно кормить свои семьи, а нам деньги второй месяц только обещают. Всё занято-перезанято, так что времени больше нет. Просто скажи: на чьей ты стороне?..»

Урызмаг поднял голову и слегка сжал кулаки.

— «Если вы, как ты говоришь, меня знаете, то зачем такие вопросы?»

— «Если ты с нами, докажи это делом, а не словами. Не сиди тут сиднем, а иди и вытряси душу из этого гадёныша, который издевается над ни в чём не повинными людьми!» — глаза старика яростно блестели в полумраке заставленной инструментами прорабской. Урызмаг обречённо откинулся на спинку стула.

— «Думаешь, это что-то изменит?»

Старик медленно перевёл усталый взгляд на пол.

— «А это не так уж и важно, сынок... Не так уж и важно».

— «А что важно?»

— «А то, что мы люди, а не бессловесный скот, который будет всё это бесконечно терпеть!» — с жаром произнёс старик, чуть подавшись телом в сторону Урызмага.

— «Тотраз!.. — Урызмаг слегка повёл головой. — Советской власти больше нет, и наши жалобы на этих кровососов никак не действуют... У них всё схвачено, и в наших потугах нет никакого смысла».

— «Как знаешь, Урызмаг, как знаешь... На стройке тебя уважают... Пока».

На несколько мгновений в прорабской воцарилась тишина.

— «Хорошо. Сейчас поеду, поищу его», — тяжело вставая со стула, наконец произнёс Урызмаг.

— «Я знал, что ты меня поймёшь. Ты начальник, ты и отвечаешь за нас!..»

Урызмаг, погружённый в раздумья, медленно шёл по стройплощадке, нарушающей тишину летнего полудня разнообразными звуками. Выйдя за ворота, он «пискнул» сигнализацией и, не торопясь, открыл дверцу своего старенького «Фольксвагена».

— «Интересно, где сейчас может быть этот урод?.. Надо бы сначала позвонить, иначе точно не найду», — думал прораб, осторожно выруливая на главную дорогу. Он достал мобильный телефон и набрал номер своего начальника. Не замечая мелькавших за окном красот городского пейзажа, он терпеливо слушал сигнал вызова, пока на том конце не отозвался хорошо знакомый голос.

— «Алло, Урызмаг...»

— «Привет!.. Слушай... Надо срочно увидеться... Надо!.. Это серьёзно!.. Где?.. Это что ещё за ресторан?!.. И когда они успевают?.. А где он находится?.. Хорошо, буду через двадцать минут».

Нажав кнопку отбоя, Урызмаг отложил телефон и, оглядевшись, стал разворачивать машину в противоположную сторону.

«Надо же! Денег в республике нет, а ресторанов — больше, чем посетителей», — подумал Урызмаг и раздражённо нажал на педаль акселератора. Машина резко рванула по нагретому за утро асфальту.

Когда он подъехал к новому ресторану, его скромный «Фольксваген» стал медленно пробираться сквозь ряды выстроившихся на просторной автостоянке огромных шикарных джипов.

«Да-а-а... И это — в полдень! Интересно, что они тогда по вечерам делают?» — Урызмаг брезгливо разглядывал сверкающие импортные машины, чувствуя себя лилипутом среди этих сверкающих великанов.

«Ну, что не заходишь?.. Пошли пообедаем...» — в приглушённом освещении ресторанного вестибюля сузившиеся от выпитого спиртного глаза директора частной строительной фирмы «Квант» маслянисто поблескивали.

«Нет-нет, Солтан!.. Извини... не могу», — категорически отказался Урызмаг, сопроводив свои слова решительным жестом руки. — «Меня на стройке ждут...»

«Что там опять случилось?» — довольная улыбка стала медленно сползать с лица насто-рожившегося Солтана.

«Тьфу, тьфу, тьфу...» — прораб демонстративно сплюнул в сторону. — «Слава богу, пока без несчастных случаев. Но рабочие грозят прекратить строительство».

«С чего это вдруг?..» — добродушное выражение лица работодателя начала сменять недовольная гримаса.

Урызмаг пожал плечами:

«Третий месяц без зарплаты!..»

«Ну, должны же они понимать, в конце концов, — у фирмы временные затруднения!.. Что, потерпеть не могут?.. Я же потом всё возьму», — искренне возмущившись, Солтан недовольно взмахнул руками.

«Им есть нечего», — Урызмаг почувствовал, как в нём закипает безудержный гнев к этому сытому и самодовольному негодяю. Его выражение лица едва не выдало того холодного презрения, которое он в эту минуту испытывал.

«Кто там воду мутит? А... опять этот дед, наверное?..» — директор приблизил к прорабу своё сытое, потное лицо.

Тот медленно, с усилием прикрыл веки, чтобы не выказать обуревающих его чувств.

«Спокойно, брат, спокойно... Скандала тебе тут только не хватает», — через мгновение, совладав с собой, он снова взглянул на оппонента и невозмутимо добавил:

«Если завтра денег не будет, работа остановится... Это их ультиматум. Да и я тогда со стройки уйду».

Оторопевший Солтан сначала безмолвно вперился вытаращенными глазами в Урызмага, а затем взорвался.

«Да ты что, с ума сошёл?!.. Ты же меня без ножа режешь! Мы же братья с тобой! Я ведь только тебе доверяю!.. Как же быть!..»

Метаясь из стороны в сторону по широкому вестибюлю, он заламывал короткие толстые пальцы рук и стонал. Внезапно он остановился и, резко повернувшись к Урызмагу, обречённо выдохнул:

«Ладно... К чёрту! Эх-х-х!.. Завтра деньги будут. Клянусь детьми!.. Но чтобы и работа шла как положено... Ты слышишь меня, Урызмаг?..»

«Слышу...» — ответил тот с едва уловимой иронией.

Солтан, уставившись в лицо прораба, не мигая, сверлил его тревожным взглядом, тщетно пытаясь понять: верит или нет?..»

Наконец, не найдя в его глазах ничего, кроме полного спокойствия, расслабился и, уже улыбаясь, обнял одной рукой за плечи.

— «А теперь пойдём, посидим, отдохнём... Я там с такими людьми, обалдеешь! Пойдём!»

— «Рад бы, да не могу...» — Урызмаг внутренне содрогнулся, представив себя за одним столом с Солтаном и его «достойными» друзьями. — «В субботу хочу стариков проведать, надо подготовиться... Извини, пойду. Думаю, завтра увидимся»

Кивнув головой, он попрощался с подвыпившим начальником и, круто развернувшись, вышел из ресторана.

Почему строительная компания называлась «Квант», Урызмаг так и не понял, хотя работал в ней уже третий год и стал за это время одной из ключевых фигур предприятия. По пути назад он долго пытался подобрать подходящее ругательное слово в адрес Солтана, прекрасно понимая, почему постоянно задерживаются зарплаты работягам, но так и не сумел его найти. Материться ему не хотелось, а литературным языком, верно, описать этого скользкого и неприятного типа не получалось. Под разными предлогами заранее выуживая из карманов заказчиков заложенные в строительство суммы, Солтан старательно «прокручивал» их в краткосрочных финансовых аферах. В случае если процесс затягивался, рабочие были вынуждены месяцами ждать заработанные деньги. Причём Солтан, чтобы не обижать руководящий состав, оперировал в своих махинациях только денежными суммами, предназначенными к выплате простым, рядовым рабочим. Придуманная схема казалась ему беспроигрышной: работа идёт, заказчик доволен... Ну а люди потерпят, куда им деваться.

— «Поганец!» — наконец выругался про себя Урызмаг. Ничего другого ему на ум так и не пришло — «Откуда они такие берутся?.. И ведь спит, наверное, крепким сном, без кошмаров»

Он вспомнил, как Солтан, открывая фирму, уговаривал его возглавить строительный отдел.

— «Ну что сидеть в этой конторе на твоей смешной зарплате? Такой специалист, как ты, должен жить достойно!.. Мы с тобой такое можем сотворить для республики, все диву дадутся! Не пора ли нам начать строить по-настоящему? Или наши люди не заслужили хороших условий для жизни, а?..»

Урызмаг и купился. И лишь через некоторое время понял, что «горбатого только могила исправит», но было поздно — он стал единственным гарантом человеческого отношения к рядовым строителям со стороны не обременённого совестью руководства фирмы. Да и зарплата действительно была выше, не в пример прежней. Эх, жизнь...

Проходя по стройке, он попросил встретившуюся ему девушку-штукатура позвать к нему всех рассредоточенных в рабочее время по своим участкам мастеров. Тотраз и ещё один работяга, не заставив себя долго ждать, тут же явились почти вслед за прорабом. Неподвижно замерев на пороге, они молча смотрели на перебирающего бумаги, сидящего за столом начальника и ждали. Урызмаг, не дожидаясь других мастеров, встал и, улыбаясь, подошёл к ним.

— «Деньги будут завтра. Объявите рабочим».

Тотраз, напряжённо глядя на прораба, кивнул головой и недоверчиво спросил:

— «Всё?»

— «Всё!»

Старик облегчённо улыбнулся и одобрительно подмигнул Урызмагу:

— «Молодец!.. Мы в тебя верили».

Когда довольные мастера ушли, Урызмаг снова сел за стол и глубоко задумался. Он настойчиво гнал недавно поселившуюся в его голове мысль, потому что боялся признаться в этом даже себе. Он до безобразия устал! Устал от бесконечной человеческой суеты, которая до отвращения изматывала ему душу и отнимала желание жить. Устал от людской жадности и тщеславия, которые даже добрых людей толкают на совершение мелких, недостойных гадостей. От бесконечной погони окружающих за «престижным» уровнем жизни, в которой проигравшие автоматически низвергались в ранг «отверженных», а благополучно разбогатевшие становились выше морали и закона.

Ему пятьдесят пять, и он застал то время, когда ценность человека определялась не столько его финансовыми возможностями, сколько его внутренним, людским содержанием. Именно поэтому он не мог понять того беспредельного эгоизма, который вдруг стал опреде-

ляющим принципом жизни. В памяти всплыл день, когда он, окончив институт, упрашивал родителей переехать жить к нему в город.

— «А что мы с твоей матерью будем там делать?..» — прилаживая набойку к каблук старого сапога, спросил Бека.

— «Жить, отец... И жить достойно!»

— «А мы что, до сих пор жили недостойно?» — искоса глядя на сына, Бека еле заметно улыбнулся.

— «Да нет, отец... Я имею в виду, что вам тяжело здесь одним. Возраст же своё берёт. А там совсем другое дело. Ну, ма...» — Урызмаг умоляюще взглянул на неподвижно стоящую у шкафа грустную мать. Никак не отреагировав на красноречивый взгляд сына, Даткин перевела взгляд на деловито орудующего молотком супруга.

— «А ты оставайся... Будешь за нами ухаживать, кормить, поить», — предложил Бека, с маху вгоняя маленький гвоздь в каблук сапога.

— «Не могу, отец. Мне два года надо отработать там, куда меня распределили», — сокрушённо произнёс Урызмаг, уже отчётливо понимая бесполезность своей затеи.

— «А если бы было можно, ты, конечно, хотел бы здесь остаться, да?..» — Бека бросил готовый сапог на пол и поднял на сына умные глаза.

Ничего не ответив, тот опустил голову.

— «Вот!.. И не уговаривай нас. Давай лучше поедим пирогов, которые твоя мать приготовила для своего любимого сыночка... А, афсин? Ты готова?..»

Бека встал и с удовольствием потянулся, разминая онемевшие мышцы спины.

— «Там жизнь кипит, а здесь время будто остановилось», — уже смирившись со своим поражением, упавшим голосом произнёс Урызмаг.

— «Скоро эта хваленая жизнь начнёт вас самих немилосердно по голове стучать. Вы ещё не раз пожалеете о своём теперешнем безумии», — словно для самого себя негромко произнёс Бека, задумчиво нахмурив брови.

— «Ты о чём, отец?.. Сейчас всё — для простого человека. Ты же знаешь, уже не те времена. Теперь всё непременно должно наладиться. Люди, наконец, вздохнули свободно и очень скоро поймут, как надо жить», — открыто глядя на внимательно слушающего отца, убеждённо произнёс Урызмаг.

Молча, с выражением сожаления на лице, Бека посмотрел на сына и направился к сверкающему в солнечных лучах окну. Немного постояв у ярко освещённого прямоугольника, он повернулся и медленно подошёл к ожидающему ответа Урызмагу. Замерев возле сына, он ещё секунду постоял с опущенной головой, затем, подняв прищуренный взгляд, тихо спросил:

— «Без Бога?..»

Некоторое время отец и сын молча глядели друг на друга, затем Бека опустил взгляд и отошёл. На лице Урызмага всё ещё читались несогласие и упрямство.

— «Пошли на кухню, надо помолиться. Пошли... А то остынет всё», — вновь заговорил Бека, стоя вполоборота к сильно погрузневшему Урызмагу, и после небольшой паузы добавил: «Человеку со своими желаниями самому не справиться, сынок... Потом когда-нибудь поймёшь. А сейчас — пошли, помолимся!..»

Столько лет прошло, Урызмаг разменял шестой десяток, а смысл сказанных тогда его отцом слов по-настоящему дошёл до него только сейчас.

— «Прав был Бека, ох прав... Без внутренней опоры никак не прожить!» — он вспомнил эпизод какого-то фильма, который недавно посмотрел по телевизору. В нём большой комфортабельный пароход терпел крушение, а мужчины, пассажиры vip-класса, которые несколькими часами ранее являлись буквально образцами благородных рыцарей, теперь во что бы то ни стало, желая спастись, стремились занять места в шлюпках, без зазрения совести расталкивали

женщин, детей, топча упавших людей ногами. Не помогли ни воспитание, ни мужское достоинство, ни даже угроза возможной в будущем уголовной ответственности.

Урызмаг улыбнулся.

— «Да... Трудно отстраниться от человеческого в подобные критические моменты. Ой, как трудно... Для большинства — это просто невозможно... Без определённой работы над собой тело рано или поздно своё навяжет...»

Бросив взгляд в небольшое окошко вагончика, прораб удивился.

— «О-па!.. Глянь-ка, а уже темно... Пора, однако, домой». Он глубоко вздохнул, встал из-за стола и направился к выходу.

Глава 4

— «Как тебя звать?..» — Заур заворожённо смотрел на стоящую перед ним смуглую, невысокого роста, юную девушку с чёрными, как смоль, длинными волосами. Лёгкий морской бриз беспорядочно развеивал её блистающие на солнце пряди, каскадом спадающие на стройную, покрытую бронзовым загаром спину. От её взгляда, полного искренней радости и кроткого доверия, у оторопевшего Заура в груди вдруг запылал нешуточный огонь. Он всё громче ощущал глухие удары своего словно взбесившегося сердца, грозившего разрушить грудную клетку изнутри. Не шевелясь, он с трепетом ждал ответа незнакомки, но девушка упорно продолжала таинственно молчать. Стоя в шаге от юноши, она откровенно глядела ему в глаза и нежно улыбалась.

Наконец, придя в себя, взволнованный Заур медленно подошёл к девушке и осторожно взял её хрупкую, изящную руку. Глядя с трепетной нежностью на незнакомку, он немного помолчал, а затем как можно ласковее спросил:

— «Ты что тут делаешь?.. Одна?..»

Заур удивлённо огляделся и оторопел.

Он вдруг обнаружил, что их окружают не привычные родные ландшафты, а какие-то густые заросли, яркостью и разнообразием цветов напоминающие тропики. Поражающий яркостью красок девственный лес своим непривычным для глаз жителя умеренного климатического пояса великолепием слепил глаза.

— «Где это мы?..» — Заур поднял голову и попытался сосредоточиться. Над ним безмятежно распростёрлось безукоризненно голубое высокое небо с редкими вкраплениями белоснежных облаков. Играл светлым бирюзовым оттенком южный океан, а на берегу, словно играя с ветерком, шуршали своими роскошными кронами кокосовые пальмы. Не выпуская ладони девушки, он медленно скользил взглядом по непривычному пейзажу, усиленно стремясь понять, где это он находится и как сюда попал. Еле уловимое движение отрывало его от разглядывания непривычного пейзажа. Незнакомка осторожно шагнула к нему и доверчиво прильнула к его груди всем своим телом. Волна необъяснимого счастья с головой захлестнула растерявшегося юношу. Он вдруг ощутил ни с чем не сравнимый восторг, который сразу же заполнил всё его существо. Необычное чувство, набирая силу, стремительно росло, равномерными толчками ударяя то в мозг, то в сердце, немилосердно разрушая в прах его вполне нормальное человеческое здравомыслие. Это рождало в его душе жуткую эйфорию.

Одновременно с этим, как это ни удивительно, он вдруг почувствовал ещё не до конца осознаваемый страх... Страх потерять то, что только что нашёл.

— «Как же долго я тебя ждал...» — отбросив прочь сомнения, думал потерявший чувство реальности счастливый юноша. Теперь ему было всё равно, где он и как тут оказался: теперь он любил. Любил искренне и сильно, и в то мгновение это было самым главным.

Неожиданно, нарушая чувство счастья, в сознание спящего юноши ворвался гулкий стук. Этот звук, с жестокостью садиста, возвращал его из чудесных сновидений в неудобную реальность. Это Агунда, уверенная в своём статусе любимой сестры, бесцеремонно влетела в комнату брата, от души хлопнув дверью.

— «Вставай, принц! Любовь свою проспишь!»

Вздрыгнув, Заур проснулся. И хотя всё его существо стремилось вернуться в сладостную иллюзию, его крепнущее сознание упрямо возвращало юношу в окружающую реальность. Он нехотя приподнялся на кровати и бессмысленным взором стал блуждать по комнате. Он всё ещё не до конца осознал, что всё происшедшее с ним было всего лишь фантастическим сном. Чувство безмерного счастья стремительно таяло, уступая место сожалению и острому желанию разрыдаться от бессилия удержать это блаженное состояние.

— «Ты здоров?.. Что с тобой?..» — наблюдая за странным поведением брата, забеспокоилась Агунда. — «Может, маму позвать?..»

Наконец придя в себя и уже осмысленно посмотрев на сестру, Заур с выражением отчаяния на лице откинулся на подушку. Немного полежав, он сделал вялый отрицательный жест рукой.

— «Нет, всё нормально... Это просто сон... просто сон...»

— «Кошмар, что ли?..» — Агунда любила брата, и выражение озабоченности всё ещё не сходило с её лица.

— «Нет... Любовь!..» — Заур точно знал: чтобы обмануть сестру, ему надо было сказать правду.

— «О, это одно и то же. Ты свою сестру слушай, тогда, может, и сам наберешься ума. А врать ты как не умел, так и не умеешь... Ладно, вставай. Отец зовет»

— «Кыш!.. Гребни отсюда, пока не получила...» — без энтузиазма огрызнулся Заур, вяло замахнувшись на ожидающую его девушку. — «Брысь...»

Агунда мгновенно исчезла за дверью. Полежав еще несколько минут, парень медленно откинул одеяло и нехотя встал с постели. Образ незнакомки из сна все еще не отпускал его, а сознание категорически не соглашалось с такой скорой и безнадёжной потерей. Глубокая тоска жгла его сердце, и непреодолимое желание заплакать все еще пытало его и без того напряжённую психику.

— «Спокойно, Заур... Спокойно!.. Такие сны зря не снятся. Значит, так было нужно. Тебя хотели предупредить, тебе показали ее...» — говорил он сам себе. — «Зачем?.. Странный вопрос... Чтобы ты знал, кого должен искать!»

Лучик надежды мелькнул в его сознании, постепенно успокаивая взбудораженную душу. Сожаление и боль потери начали медленно испаряться, постепенно уступая место вере и надежде. Решительно встряхнув волосами, парень окончательно сбросил с себя остатки сна и вернулся в реальность. Быстро натянув спортивные штаны, которые всегда носил дома, он аккуратно уложил одеяло, подушки и уже бодрым шагом направился в ванную комнату.

Выйдя в зал, Заур увидел сестру, которая старательно пылесосила ажурный ковер, покрывающий центральную часть гостиной. Подойдя к сестре, он без слов повалил ее на пол и осторожно придавил коленом:

— «Я тебя научу вести себя со старшими, курица! Ну-ка, проси прощения, длиннохвостая! Иначе я тебя сейчас в окошко выброшу!.. Ну!..» — с деланно свирепым лицом он старательно скручивал верещащую сестру.

— «Ма-а-а-а!.. Па-а-а-а!..» — пытаюсь вырваться из рук брата, радостно визжала Агунда, прекрасно понимая, что скоро явятся её защитники, чем ещё больше раззадоривала брата: — «Ну!.. Проси!..»

— «Не дождёшься!.. Амазонки не сдаются!»

— «Это что такое?.. Ты что это делаешь... бандит?.. А ну-ка отпусти сестру!..» — в комнату, с трудом пряча улыбку, стремительно ворвалась Ацырухс.

— «Ма, не вмешивайся!.. Я должен научить эту красавицу хорошим манерам... Мне потом будущий зять спасибо скажет».

— «Отпусти, говорю, мою дочь, хулиган!..» — схватив сына за руку, Ацырухс стала энергично оттягивать его от голосящей «жертвы».

— «Эй, вы! Хватит!..» — ровный голос Урызмага заставил всех участников «свалки» мгновенно замереть. Ацырухс многозначительно приложила палец к губам и еле слышно проговорила:

— «Всё, прекращаем шуметь, пока отец добрый».

— «Повезло тебе, Барби, а то бы я тебе устроил!» — нехотя отпустив сестру, прошипел Заур и поднялся с пола. Агунда в ответ состроила пренебрежительную рожу и показала язык.

— «Всё!.. Всё!» — повторила Ацырухс, пресекая попытку сына снова дёрнуть сестру за косу.

— «Сколько я буду тебя ждать, Заур?..» — снова прозвучал требовательный голос Урызмага.

— «Иду!» — громко отозвался парень и, погрозив сестре кулаком, направился в кухню. Урызмаг расслабленно сидел за столом, обхватив ладонями стакан с горячим чаем.

— «Почему я должен тебя ждать?..» — не глядя на вошедшего сына, буднично спросил он.

— «Я... там... это... Умывался!» — ответил Заур извиняющимся тоном.

— «Да... я слышал». — Губы Урызмага тронула лёгкая улыбка. Он поднял на сына подсвеченные смешливым блеском глаза и продолжил: — «Не устал?.. Вроде уже вырос».

Заур с виноватым видом промолчал.

— «Ладно... Так сессию, говоришь, закрыл?..» — вопрошающе взглянул на парня Урызмаг.

Тот, широко улыбнувшись, самодовольно закивал.

— «А диплом когда?..»

Сын, скорчив пренебрежительную гримасу, беззаботно махнул рукой.

— «Хорошо... — было видно, что Урызмаг доволен ответами своего младшего сына. — Ты вроде к деду собирался?.. Не передумал?..»

— «Ни в коем случае! Мне нужно тридцать минут на сборы — и можно в путь!» — Заур вытянулся перед отцом по стойке «смирно».

— «Тогда отвезёшь мать и сестру, а я улажу кое-что на работе и позже тоже подъеду. К празднику надо подготовиться... Да!.. Захватишь с собой то, что мы собрали на балконе, договорились!..» — Урызмаг встал из-за стола и подошёл к сыну.

— «Будет исполнено, па!.. Не переживай!..» — громко выкрикнул Заур, всё не оставляя манеры общения на военный лад.

— «Надеюсь». — Отец посмотрел на его довольную физиономию и, усмехнувшись, вышел из кухни.

Глава 5

Размеренно шагая по пыльной сельской дороге, Бека наконец вышел за околицу аула и свернул на широкую, вьющуюся между валунами тропинку. Очень скоро он вошёл в рошу, за которой и находилось место древнего святилища.

Миновав рошу и дойдя до последнего поворота тропинки, он поднял голову и неожиданно замер. Широкая тропа, ведущая к святому месту, самым беззастенчивым образом была перегорожена массивными, недавно положенными бетонными блоками. Поверх них аккуратно лежали скреплённые стальной проволокой свежошкуренные брёвна. Не веря своим глазам, старик подошёл к преграде и кончиками пальцев прикоснулся к крайнему стволу, находящемуся почти на уровне его груди. Оглядевшись, он увидел, что импровизированный забор тянется в обе стороны на десятки метров, перекрывая собой большой участок, вплотную прилегающий к месту молений. Бека устало прикрыл веки.

«Эх, люди, люди...» — подумал он про себя, покачивая седой головой, покрытой традиционной войлочной шапкой белого цвета, и замер, пытаясь овладеть охватившим его чувством растерянности. Простояв так немного, он встряхнулся и, резко развернувшись, решительно зашагал на другой конец села, в сторону сельского совета.

Глава администрации селения Майрам был человеком слабовольным и корыстолюбивым — именно за эти качества он и был избран на должность «авторитетным» и «энергичным» сельским меньшинством. Поэтому, когда в дверь его кабинета без предупреждения вошёл нахмуренный Бека, он немного оробел. Старик вплотную подошёл к Майраму и вперил в него свой тяжёлый, угрожающий взгляд.

— «Как это понять?..» — почти прошипел он, едва шевеля плотно сжатыми губами.

— «Что понять?.. Ты о чём, Бека?..» — просипел побледневший Майрам, хотя вполне догадывался о причине визита разъярённого старика.

— «Продал?..» — Бека, еле сдерживаясь, медленно склонялся к испуганному лицу хозяйина кабинета. По его тону тот моментально понял, что врать бесполезно.

— «А что я мог?..» — отчаянно зачастил Майрам, запинаясь через слово: — «Мне из города позвонили... Большое начальство!.. Это какой-то их родственник. Мне приказали!»

Глядя на нелепо оправдывающегося главу села, Бека вдруг с удивлением обнаружил, что его гнев постепенно сменяется сочувствием к этому слабому, зависимому от чужой воли человеку. Он выпрямился и на мгновение замер.

— «До седых волос дожил, а думать так и не научился!..» — досадовал Бека, гневаясь уже на себя, а не на перепуганного односельчанина. — «Сам он никогда бы не решился на подобный шаг. Это же очевидно!.. Эх, старый... до сих пор твой язык голову опережает»

В кабинете воцарилась неловкая тишина. Прошло несколько минут, прежде чем Бека вновь посмотрел на Майрама и уже спокойным голосом продолжил.

— «Собирай сход... Завтра... слышишь?.. Посмотрим, что люди скажут. Ты понял меня?..»

Майрам с готовностью закивал головой. Одарив его напоследок пренебрежительным взглядом, старик развернулся и уверенным шагом вышел из кабинета.

Бека с угрюмым видом сидел за круглым трёхногим столиком, который привычным движением поставила перед ним его верная спутница жизни Даткин. Будучи приверженцем старинных традиций, он всегда обедал в одиночестве, доверяя прислуживать только своей расторопной супруге. Лишь она до мелочей знала его привычки и пищевые пристрастия и без слов могла угадать внезапно возникающие в процессе трапезы желания. Но сейчас Бека постылся, и стол был уставлен тарелками с сугубо растительной пищей. Прищурившись, старик неподвижно смотрел на поверхность резного столика, но не видел стоящих на нём блюд с яствами. В его голове суматошно роились беспорядочные мысли, а душу заполняло неясное чувство вины, причину которого он никак не мог найти.

— «Не дошло ещё до них, не дошло!.. Что пятьдесят лет назад, что сейчас — всё равно... Видели же, наверняка, все видели — и никто не помешал!.. И никто не дал мне знать!.. Наверное, действительно «большой начальник» объявился, с таким связываться — себе дороже! Никто не хочет создавать себе такую головную боль», — мысли медленно текли в голове Бека, а перед глазами то появлялись, то исчезали вполне определённые образы. Напряжённо размышляя, он не замечал ничего вокруг и потому испуганно вздрогнул, услышав звук подвигаемого к столу стула. Придя в себя, он взглянул на присевшую напротив Даткин и без энтузиазма спросил:

— «Чего тебе?»

— «Рассказывай... Я же всё вижу. Что-то произошло...» — Даткин уверенно смотрела на супруга, прекрасно зная, что один на один, без свидетелей, ей позволено многое. Бека опустил взгляд.

— «Ты знала, что «Жёлтая поляна» продана?..»

— «Знала!» — женщина кивнула головой.

— «А мне сказать забыла?..» — Бека вскинул на неё взгляд сузившихся глаз.

— «А зачем?..» — Даткин невинным взглядом уставилась на нахмуренного супруга.

«Всё та же...» — с усмешкой заметил про себя Бека, вспомнив их день знакомства много лет назад.

Двадцатилетний Бека и его дядя Азамбек, родной брат отца, ранним утром ехали по узкой горной тропе, иногда на ходу лениво, вполголоса переговариваясь между собой.

— «Это давний друг твоего отца, и у него, понимаешь ли, нет сыновей, зато три дочери-красавицы. Ха-ха-ха...» — негромко засмеялся Азамбек. — «Вот же „повезло“ бедолаге!.. И почему бы тебе не посмотреть на них, вдруг кто-нибудь да понравится, а?..»

Хмурый Бека не поддерживал веселье дяди. Эти завуалированные смотрины были ему совсем не по душе. Сердце парня ещё не тронуло первое чувство, а по чужой указке он жениться не собирался. И сейчас бы не поехал, но вчера вечером его позвал сам Гурджен.

— «Я тебя жениться не заставляю. Посмотри... прикинь... Может, кто-нибудь придётся тебе по сердцу. Время уже своей семьёй обзаводиться, парень... Пора»

И вот теперь, сидя в мягком седле, Бека следовал за дядей в соседнее ущелье, с удовольствием оглядывая окутанные утренней дымкой живописные окрестности родного аула. Здесь, среди этих красот, и прошли все двадцать лет его недолгой жизни. В синей дымке едва виднелись серо-голубые скалы, живописно нагромождённые друг на друга на уровне облаков. Зелёные предгорные холмы, испещрённые причудливо переплетающимися между собой тонкими белёсыми дорожками, протоптанными пасущимся на их склонах скотом, наполняли душу странным покоем.

Бурлящая на дне ущелья речка с прозрачной обжигающе-ледяной водой, немилосердно зажата камнями, обиженно рычала раненым зверем.

Рассыпанные на склонах ущелья стада придавали развернувшемуся пейзажу особо умиротворяющий вид. Утреннее солнце, ещё не набравшее силы изнуряющего дневного зноя, не скупясь вливалось в юного Бека изумительную энергию, заставляя забыть обо всём суетном и мелком. Именно за это непередаваемое ощущение парень и любил горы, в которых родился и вырос. Находясь вдали от них, он сразу начинал чувствовать тоску и ничем не восполнимый упадок сил.

Поэтому, находясь по делам в отъезде, он всегда стремился поскорее закончить свои дела и вернуться в родное село. Вот и сейчас, глядя на эти картины, он чувствовал, как необъяснимое счастье начинает наполнять его, меняя настроение. От переизбытка энергии и его гневной конь тоже время от времени начинал гарцевать, хотя в узком пространстве горной дороги было совсем небезопасно. Бека, жёстко натягивая узду, осаживал непокорное животное, но конь, закусывая удила, продолжал хулиганить.

«Тихо, Тымыгь!.. Тихо!.. Угомонись, — приговаривал Бека, с силой сжимая крутые бока скакуна, но тот, упрямо мотая головой, всё равно пытался своевольничать. — Вот ведь чёрт упрямый!.. Сейчас ты точно попробуешь моей плети, родственник далимонский...»

Дело было в том, что Тымыгь, четырёхлетний жеребец гневной масти, был недавним приобретением Гурджена и, в отличие от белоснежного старика Урсоа, на котором сейчас, посмеиваясь, восседал бойкий на язык Азамбек, был пока плохо объезжен, и его буйный нрав вырывался наружу.

«Не дёргай лишний раз повод, парень!.. Возьми его поближе и не отпускай. Свободный повод этот конь пока понимает как вседозволенность», — наставлял племянника дядя, через плечо наблюдавший за борьбой двух характеров.

Утомлённые долгой дорогой, путники лишь к вечеру добрались до цели своего путешествия. Там их уже с нетерпением ждали гостеприимные хозяева. Ворота, приглашая гостей,

сразу же распахнулись перед ними, и навстречу им с достоинством вышел пожилой, но ещё достаточно крепкий мужчина.

«Счастья и благоденствия этому дому! Да будет жизнь твоя, Мурад, и жизнь твоих близких долгой и радостной! Да будет в твоём доме всё и всегда вовремя по Божьему порядку!» — подняв руки до уровня лица, на правах старшего, произнёс традиционное приветствие Азамбек.

«Гость — Божий гость!.. Милости просим! Заходите, заходите, гости дорогие!.. Мой дом — ваш дом», — кивнув, ответил коренастый Мурад, одетый по тогдашней осетинской моде в облегающую полувоенную форму и хромовые сапоги. Его небольшая, аккуратно стриженная папаха, сдвинутая чуть назад, оставляла полуоткрытым высокий, слегка выпуклый лоб.

Приглашая гостей в дом широким жестом руки, он одновременно еле заметно кивнул собравшейся во дворе аульной молодежи, которая, сразу засуетившись, направилась в сторону просторного сарая. Двое подростков помладше опрометью кинулись к гостям, принимая у мужчин поводья их утомленных скакунов. Когда юноши попытались отвести животных на хозяйскую конюшню, стоявший до этого спокойно Тымыг вдруг резко вздыбился и заставил потянувшего повод юношу испуганно отпрянуть назад. Все окружающие, опасаясь получить удар копытом, тоже шарахнулись в сторону. Жестко дернув повод, Бека осадил возбужденного коня и с извиняющимся видом повернулся к Мураду:

— «Я прошу простить меня. Этот бес просто так не подчиняется. Я должен сам отвести его, иначе он кого-нибудь покалечит или убьет»

С этими словами Бека, взяв покрепче узду, уже собирался последовать за другим парнем, который совершенно спокойно уводил Урсою, как вдруг перед ним внезапно появилась стройная девочка лет шестнадцати и с властным видом протянула руку.

— «А ну отдай!.. Ну... Негоже гостю самому ухаживать за своим конем! Что подумают о нашем ауле и о наших людях!.. Дай, говорю!» — тоном, не терпящим возражений, произнесла черноглазая девица.

— «Ты с ума сошла, девочка? Он тебя убьет! Уйди, ненормальная...» — левой рукой отстраняя девушку, Бека попытался спрятать поводья за спиной. Люди, наблюдавшие эту сцену, в ожидании дальнейшего развития ситуации притихли.

— «Дай!..» — девочка подошла к Беке вплотную и, отведя выставленную им руку, решительно забрала повод у растерявшегося парня. И вдруг чудо: всегда буйный и нетерпимый по отношению к незнакомым людям Тымыг на этот раз покорно остался стоять перед юной красавицей с опущенной головой. В эту минуту Тымыг, выражая ласку и миролюбие, всем своим видом напоминал провинившегося ребёнка. Бека широко раскрытыми глазами молча смотрел на почему-то вдруг присмирившего коня.

— «Пошли», — девочка дёрнула поводом, и скакун послушно зацокал подковами по камням просторного двора Мурада. Поражённый парень молча провожал их взглядом, пока они не скрылись за спинами местных жителей.

Приезд гостей из соседнего ущелья — это радость и забота не только принимающей их семьи, но и всего рода, всего аула. Пока Азамбек и Бека следовали по узкой аульной улочке, местные мальчишки уже успели оповестить о гостях практически всех жителей небольшого селения. И, конечно, побросав свои дела, большинство жителей сразу же направились к принимающему путников дому. Этим они отдавали дань древнему закону гостеприимства и радовались развлечению. Прибывшие горцы только вошли в дом и неспешно обменивались с радушным хозяином приветствиями, а во дворе уже вовсю кипела работа, которая по обычаю полностью ложится всегда на плечи расторопной местной молодёжи.

Парни, стараясь продемонстрировать свою ловкость и умение, деловито суетились, соревнуясь в скорости приготовления торжественного ужина для гостей. Уже через полчаса молодой барашек, молниеносно освежёванный и поделённый на привычные доли, варился в

чугунном котле, под которым весело плясали яркие языки гудящего огня. Временами слышалось шипение раскалённых углей, на которые от чрезмерного жара из котла выплёскивалась густая белая пена.

Бека скупающе молчал, слушая, как общаются дядя и хозяин дома, но возникшее вдруг у него неопределённое чувство беспокойства не давало ему вникнуть в суть их беседы. Он напряжённо оглядывал стоящих в кунацкой людей, но никак не мог найти среди них поразившую его юную девушку.

— «Вот, смотри, это старшая... Правда, красавица?..» — чуть склонившись к племяннику, шептал Азамбек, старательно скашивая взгляд на миловидную девушку, подающую гостям традиционные для осетинского стола пироги. Не поднимая глаз, девушка поставила блюдо перед гостями и так же, не поднимая головы, мелко семеня ногами, спиной отошла к входу в къабиц (кладовую).

— «Что, не понравилась?..» — уже откровенно повернувшись к Беке, Азамбек удивлённо посмотрел на спокойно сидящего рядом юношу. Парень неопределённо пожал плечами.

— «Ничего... Красивая...» — безразличным тоном произнёс он.

— «Подожди, сейчас две другие появиться должны. Ты будешь просто поражён!..» — угрожал Азамбек, явно видя отсутствие у племянника какого-либо интереса.

Прошедшие годы размыли чёткость воспоминаний о том вечере. Бека уже не помнил, как он прошёл, какими был наполнен событиями и о чём велись разговоры, но непредсказуемая память ясно запечатлела разговор дяди и племянника на обратном пути домой.

— «Неужели тебе ни одна не понравилась?.. Мы что, зря ездили, получается, а?..» — спросил Азамбек и, не получив ответа, продолжил: — «Ты что, воды в рот набрал, парень?..»

Бека ехал впереди и был подозрительно рассеян. Опустив голову, он с пасмурным видом слушал разглагольствования недовольного дяди, озабоченного провалом своей почётной миссии, но упорно молчал. Но потом вдруг, сам не понимая почему, он поднял на дыбы своего норовистого коня и, резко развернувшись, одним прыжком приблизился к Азамбеку. От неожиданности тот, резко натянув поводья, неподвижно застыл на месте, с недоумённым видом глядя на племянника.

Остановившись, всадники несколько мгновений молча смотрели друг на друга, пока, наконец, Бека взволнованным голосом не нарушил тишину.

— «Если ты реально желаешь мне семейного счастья, Азамбек, то посватай за меня ту девушку, которая увела в конюшню Тымыгъа!» — Бека умолк и с гулко стучащим сердцем опустил голову.

— «Вот тебе на!.. Я тут переживаю!.. Можно сказать, спать не могу, а у нас тут такое... — довольный неожиданным поворотом событий, хитро заулыбался Азамбек. — Ты сказал, я услышал!.. Остальное предоставь мне... Всё будет в лучшем виде!.. Даю слово! Или я не брат твоего отца!..»

— «Не изменилась...» — словно возвращаясь из прошлого, удовлетворённо отметил Бека, не отводя глаз от прямого взгляда супруги.

— «А затем, что я — смотритель святого места, и мне праздник проводить. И отвечать перед людьми за его состояние — тоже мне... Или я не прав?..» — глядя на супругу, дёрнул подбородком Бека.

— «Прав... Кто спорит?.. Конечно, прав... Но праздник ты всё равно проведёшь, и проведёшь как положено. В этом никто и не сомневается! И дзуар сейчас в таком состоянии, в каком он не был до тебя и вряд ли будет после. Так что о чём беспокоиться?» — Даткин беззаботно отмахнулась.

— «Смеётся, что ли?..» — Бека попытался всмотреться в бесстрастное лицо супруги, тщетно ища на нём признаки глубоко затаённой насмешки. Не обнаружив ничего, он успокоился и продолжил разговор.

— «А дорога?..»

— «А дорога, ты говорил, насколько я помню, у каждого своя! Люди видели, люди знали и не пошевелились. Значит, им всё равно, и учить их бессмысленно. Бог их сам научит, так ведь?..» — женщина невинным взглядом смотрела на теряющего терпение расстроенного супруга. Не ответив, Бека отвернулся от женщины и с деланной досадой потёр колени.

— «Разбаловал я тебя...» — не глядя на жену, с сожалением протянул он и, глубоко вздохнув, продолжил: — «А ты почему-то вдруг решила, что можешь меня чему-то поучить?..»

Даткин возмущённо всплеснула руками.

— «За что вдруг такая немилость, господин начальник?.. Я же только твои слова повторила. Это — во-первых... А во-вторых, я тебя же пожалела. Это ведь у тебя сердце всё время болит, или нет?.. Ты вот лучше поешь, сил нужных наберёшься... А то сидишь, с безответной пустотой разговариваешь... А ты у меня один!..» — женщина встала и, поправив на голове косынку, неспешным шагом направилась на кухню.

— «Всё-таки издевается!..» — провожая взглядом уходящую Даткин, подумал Бека, ощутив вдруг в душе какую-то непонятную ему тень неловкости. Недовольно хмыкнув, он нехотя начал есть.

Глава 6

Торопливо предъявив на проходной университета студенческий билет, Заур пулей вылетел на улицу, едва не сбив с ног одного из своих преподавателей.

— «Винovat!.. Прошу прощения», — галантно склонился в полупоклоне юноша в ответ на недоумённый взгляд замершей на месте женщины. Смерив его осуждающим взглядом, женщина молча, с аристократическим достоинством, проследовала дальше, а он, радостно взвизгивая на месте, вприпрыжку помчался по заполненному прохожими тротуару. Весело мыча про себя популярную в среде молодёжи песенку, он беззаботно лавировал между спешащими по своим делам людьми, радуясь хорошему настроению и солнечному дню. Он был совсем расслаблен, когда вдруг какой-то внутренний толчок заставил его внезапно остановиться и лихорадочно оглядеться вокруг. Он не понимал, что произошло, но смутное осознание того, что он сейчас увидел что-то необычное, страстно желаемое, невероятно участило его пульс. Парень застыл на месте, мучительно соображая, в чём же тут дело, но никак не мог сообразить. Через мгновение он краем глаза, где-то впереди, случайно уловил промелькнувшее тёмное пятно.

Прошла секунда, пока наконец в открывшемся на мгновение людском проходе он разглядел девушку с длинными чёрными волосами до пояса. Она!.. Та, из сна!.. В глазах у Заура потемнело! Изредка встряхивая роскошными прядями, девушка не спеша шла по тротуару вдоль небольших магазинчиков, расположенных на первом этаже пятиэтажного дома. Заур, не раздумывая, стремительно ринулся следом за ней. Догнав девушку, он забежал чуть вперёд и резко остановился перед ней... Почти сразу же с губ побледневшего юноши сорвался тихий разочарованный стон. Медленно опустив голову, он, не замечая испуганного взгляда оторопевшей от неожиданности незнакомки, грустно отшагнул в сторону.

— «Простите!.. Обознался...» — еле выдавил из себя разочарованный юноша.

— «Не она!..» — с горечью подумал Заур, ощутив, как в его душе поднимается волна острого протеста и сожаления. Всё ещё пульсирующий в висках ток крови, приходя в норму, стал постепенно ослабевать. Реальность неумолимо возвращала на мгновение потерявшего связь с действительностью парня в повседневную суету. Он был растерян! С одной стороны, он расстроился из-за своих вновь обманутых надежд и отрезвляющей сознание боли. С другой — чувствовал непонятное удовлетворение из-за зарождающейся в нём необъяснимой уверенности в том, что он всё равно обязательно её найдёт, а сейчас или позже — это не так уж и важно.

— «Значит, не забыл! Значит, это не просто так!.. Значит, надо ждать и искать! Ничего... я подожду. Я буду ждать столько, сколько потребуется», — он вымученно улыбнулся и поднял глаза на всё ещё стоявшую в растерянности девушку.

— «Я, кажется, напугал вас... Простите, пожалуйста», — негромко обронил он и, отвернувшись от девушки, неторопливо зашагал по улице. Он был расстроен.

На следующий день, в полдень, Агунда со своей старинной подружкой, весело щебеча и хихикая, шли вслед за Зауром, грузённым многочисленными покупками, предназначенными дедушке с бабушкой. Зарина, так звали их спутницу, училась десять лет в одном классе вместе с Агундой и являлась её самой близкой подругой. Поэтому для Заура она была совершенно привычным объектом. Девушка теперь готовилась к поступлению на филфак, но свободное время почти всегда проводила с Агундой. И сегодня у неё как раз был такой свободный день. Молодые люди направлялись в ЦУМ, где надеялись найти и купить по маминому настоянию некий швейный набор, который до сих пор очень востребован у живущих в горных аулах женщин. Парень уже весь извёлся от нетерпения, а девушки, никуда не торопясь, расслабленно шли, без нужды останавливаясь, и весело переговаривались, делясь друг с другом, как им казалось, очень важными новостями.

Это лёгкое отношение сестры и её смешливой подружки к столь ответственному поручению очень раздражало парня, и он уже начинал закипать. Вместо того чтобы быстро отовариться и засветло отправиться в горы, эти хохотушки, хитро поглядывая на него, беспечно перешёптывались, игнорируя негодующие взгляды юноши.

— «Нельзя ли поживее, красавицы?..» — раздражённо обратился он к веселящимся девицам.

— «Всё, всё!.. Тс-с-с!.. Мы — пример скромности и собранности!» — воскликнула Агунда, сразу сменив веселье на деловитую собранность.

Благодаря сестре Заур давно знал Зарину и воспринимал её как неотъемлемую часть окружения своей сестры. И хотя Агунде казалось, что её подруга заслуживает иного отношения, Заур с открытым пренебрежением относился к её, в его понимании — «предвзятому» мнению.

— «Вперёд!» — указал он рукой, обвешанной объёмистыми пакетами, в сторону торгового центра.

— «А вежливее нельзя?.. Ладно, сестру ни в грош не ставишь, это понятно, но с такой девушкой, как Зарина, мог бы быть и повнимательнее», — Агунда демонстративно остановилась перед братом, уперев руки в бока.

— «Сейчас, только шнурки поглажу!.. Давай живее, говорю, вертихвостки! Иначе я сейчас всем этим вас загружу и погоню впереди себя, во картина-то будет!» — с угрожающим видом прошипел парень и, замахнувшись переполненными кулками на девушек, добавил: — «А ну марш вперёд!..»

— «Ой-й...» — деланно испуганно воскликнули подружки и, ловко огибая немногочисленных прохожих, стремглав кинулись вперёд по направлению к торговому центру.

Закончив покупки, компания села в полузаполненный трамвай, и довольный Заур, сгруппировавшись в свободном углу вагона, наконец-то облегчённо вздохнул. Он встал спиной к проходу и, взявшись за поручни, надёжно загородил собой от остальных пассажиров покупки и обеих девушек. Прочно расставив ноги, он, отрешившись от окружающей обстановки, погрузился в размышления о предстоящей поездке в горы. Он понимал, что то, в чём он будет скоро принимать участие, является реальной частью того мира, который уже достаточно давно и стремительно исчезает, делая бессмыслицей и его жизнь, и жизнь его народа. А вот то, что случится это или нет и теперь будет в какой-то степени зависеть и от него, наполняло душу парня какой-то очень серьёзной значимостью.

В какой-то момент погружённый в свои мысли Заур случайно поймал устремлённый на него взгляд Зарины. Встретившись с юношей глазами, подруга Агунды смутилась и поспешно отвела взгляд.

— «А она, вроде, ничего... Кажется, даже симпатичная...» — автоматически отметил про себя юноша, почувствовав некую странность в поведении девушки. — «Что-то я раньше этого не замечал... Выросла, что ли?!...»

Больше углубляться в эти рассуждения Заур не стал и снова переключился на свои мысли о предстоящем событии. Он уже совсем было перестал замечать всё вокруг, когда после очередной остановки в вагоне вдруг вызывающе громко зазвучал отборный мат. Парень вздрогнул от неожиданности и, желая понять, что происходит, обернулся. По проходу, со стороны переднего входа в хвост вагона, шли двое странных на вид, потрёпанных парней и, никого не стесняясь, во весь голос демонстративно переговаривались между собой, используя ненормативную лексику. Ненормальность подобной манеры поведения в общественном месте произвела на всех шокирующее впечатление. Такое здесь было не принято, и все как один пассажиры трамвая заворожённо смотрели на двух отморожков, которые, продолжая громогласно выражаться, удобно устроились на сиденьях в конце вагона. Усилием воли Заур отвернулся от парней и хмуро посмотрел на своих спутниц. Обе девушки стояли с белыми лицами, опустив головы. Только нервно сжимающиеся тонкие пальцы рук выдавали их крайнюю степень растерянности. Парень отчаянно зажмурился. Буквально недавно он уладил очередной инцидент в полиции и страшно не хотел ввязываться в новый скандал. Но тем не менее он уже чувствовал, что начинает потихоньку «плыть». Как назло, отморозки всё не унимались и продолжали во всеуслышание выражаться в той же манере, не обращая внимания на присутствующих в салоне женщин, стариков и детей.

— «Не осетины...» — мгновенно определил Заур. Из последних сил он пытался удержать себя от нового опрометчивого поступка, но уже понимал, что вряд ли сможет. Мало того, перед очередной остановкой эти двое встали и, не прекращая своего «неординарного» общения, почему-то двинулись снова к переднему выходу.

— «Я его мать...! Я его, козла, на... надену!» — обращаясь к спутнику, с блатным проносом гнусавил один, похлопывая по левой ладони лезвием большого раскладного ножа.

— «Нет, я смогу!...» — упрямо твердил себе Заур... и тут же с крутого разворота нанёс мощный удар проходящему за его спиной худосочному матерщиннику. Стремительно улетев в узкий проём переднего выхода, негодяй в живописной позе притих на его жёстких ступенях. Следующий за вожаком «ординарец» с выпученными от неожиданности глазами попытался было схватить Заура, но, не в силах преодолеть свой страх, лишь ошалело дёргал трясуцимся руками. Обдав его презрительным взглядом, юноша уже собирался нанести побелевшему «чучелу» удар, как вдруг почувствовал чьи-то сильные руки, железной хваткой буквально сковавшие его кисти.

— «Не связывайся с этим г...м! Не стоит о них руки марать!» — раздался чей-то уверенный шёпот сзади. — «Потом устанешь доказывать, что ты не верблюд!»

Скосив глаза, парень увидел светловолосого мужчину плотного телосложения в облегающей гражданской одежде, которую, судя по всему, он носил нечасто.

— «Офицер!...» — мелькнуло в голове Заура. — «Не местный»

Он попытался вырваться из сильных рук, но почувствовал, что сделать это ему будет нелегко. Тогда он спокойно встал, пренебрежительно глядя на вопрошающе взирающего, растерянного дегенерата, оттесняемого от него вдруг очнувшимися от оцепенения пассажирами.

— «Мент, что ли?... Мент?..»

— «Заяц поганый!...» — с ненавистью подумал Заур, всем нутром чувствуя гнилую сущность своего мечущегося оппонента: «Червяк!...»

Трамвай подъехал к остановке и открыл двери. «Отдыхавший» всё это время на ступеньках выхода «герой» мешком вывалился наружу. Ударившись об асфальт, он глухо застонал и стал постепенно приходить в себя. Его напарник, выдворенный людьми из вагона, кинулся к

копошащемуся «вожаку» и с суетливой готовностью вассала стал помогать «потерпевшему» встать на то и дело подгибающиеся ноги.

Наконец, частично вернувшись в своё потерянное сознание, «красавец», шатаясь, встал и, оценивая ситуацию, удивлённо вперился взглядом в удерживаемого несколькими пассажирами Заура. Сообразив, что в данной ситуации реальной угрозы для него нет, он решил восстановить своё подпорченное реноме и, преодолевая животный страх, многозначительно прохрипел, вскинув голову:

— «Если кто-то хочет поговорить, то можно и сойти...»

Мгновенно вспыхнув, Заур рванулся было к выходу из трамвая, но, к своему удивлению, сумел только слегка судорожно подпрыгнуть на месте. Не сдаваясь, он попробовал освободиться ещё раз, но мужчина, которого он мысленно определил как офицера, оказался на редкость физически сильным. И хотя держал парня не он один, Заур, самоуверенно убеждённый в том, что если постарается, то сумеет вырваться из рук повисших на нём пассажиров, был неприятно ошарашен результатом своих тщетных стараний. Ещё никогда он не чувствовал такого обескураживающего бессилия. Осознавая, что уступает чужой мощи, парень вдруг вспомнил фразу из любимого мультфильма: «Не говори, что смел — встретишь более смелого, не говори, что силён — встретишь более сильного...» Он успокоился и неподвижно замер, холодно взирая на негодея, который, чувствуя свою безнаказанность, всё больше и больше распалялся.

— «Ну... Мы ждём!..» — вновь размахивая подобранным с земли ножом, продолжил «вожак», пытаясь придать своему лицу грозное выражение.

Наконец, к всеобщему облегчению, трамвай закрыл двери и, оставив неадекватную парочку на остановке, тронулся по своему маршруту. Сдерживавшие всё это время Заура люди наконец отпустили его. Понимая, что они желали ему только добра, парень никак не отреагировал на их вмешательство в конфликт, а наоборот, ни на кого не глядя персонально, молча кивнул всем в знак благодарности. Только сейчас он вспомнил о сестре и её подруге, которые с округлившимися от пережитого стресса глазами всё это время молча следили за его действиями, не смея вмешаться. И Агунда, и Зарина знали, что Заур не из числа «маменькиных сынков», однако событие, свидетелями которого они только что стали, окончательно изменило их мнение о парне. Теперь они боялись даже просто с ним разговаривать, не то что шутить или дразнить. Едва взглянув на девушек, Заур спокойно подошёл к выходу и стал ждать остановки. Как только двери с шипением открылись, он стремительным прыжком выскользнул из вагона и во всю свою мощь помчался обратно в надежде ещё застать своих недругов на том месте, где они остались. Но, к его великому огорчению, остановка оказалась совершенно пустой. Очевидно, «соперники», предвидя подобный вариант развития событий, сразу поспешили убраться восвояси. Ещё немного пометавшись по сторонам, огорчённый Заур остановился. Простояв некоторое время с пасмурным видом, он зашагал обратно, на ходу волевым усилием пытаясь унять заполняющую его душу злобу.

Агунда и Зарина стояли на трамвайной остановке в окружении многочисленных пакетов и растерянно наблюдали за невесело бредущим к ним по трамвайным путям Зауром.

Подойдя к девушкам, парень виновато вздохнул и, не говоря ни слова, стал навьючиваться лежащими на асфальте баулами. Подобрал все покупки, он оглянулся на своих спутниц и коротко буркнул:

— «Пошли!..»

Уже дома, уловив что-то новое в отношении к нему сестры и её подруги, Заур попробовал весёлыми шуточками вернуть всё в старое русло, но понял, что с этим придётся подождать, поскольку на все его попытки заигрывания с ними девушки оставались отчуждённо-настороженными.

— «Привыкли, понимаешь ли, видеть меня только добреньким, а тут... Да нет, дорогие девочки, не всё так просто...» — думал Заур, наливая на кухне чай. — «Если действительно хочешь что-то изменить в своей жизни, придётся что-то преодолеть и в себе».

Кроме него и девушек в квартире никого не было, поэтому парню был хорошо слышен негромкий разговор за стеной. Подружки приглушённо обсуждали чей-то день рождения и спорили, как лучше приодеться, чтобы выглядеть достаточно презентабельно и при этом не вульгарно. Вникнув в смысл беседы, Заур, отмахнувшись, совершенно перестал прислушиваться к бессмысленному, с его точки зрения, разговору девушек. Он спокойно допил свой традиционный чай, тщательно вымыл чашку и, решив немного отдохнуть перед дорогой, направился в свою комнату. Выйдя в коридор, он неожиданно нарвался на стоящую у трельяжного зеркала Зарину. Девушка, держа заколку в зубах, собирала на затылке волосы, приводя в порядок растрепанную после дневной беготни причёску. Прилаживая непослушные пряди, она увидела в зеркале взгляд Заура и, опустив глаза, замерла. Парень, равнодушно скользнув по ней глазами, уже собрался продолжить путь, как вдруг заметил, что она стоит слишком напряжённо.

Чисто механически он оглянулся на неподвижно стоящую девушку, и их взгляды случайно встретились. Смутьившись, Зарина тут же отвернулась, сделав вид, что по-прежнему занимается своей причёской, и тряхнув вдруг головой, уронила на плечи свои длинные волосы. В это мгновение Зауру показалось, что его ударили по голове чем-то тяжёлым! У него потемнело в глазах! На мгновение он почти потерял сознание, но, собрав волю в кулак, с большим усилием пришел в себя и, не подав вида, решительно прошёл в ванную. Тупая боль в сердце жестко сковала его движения, а болезненно сжавшаяся гортань замедлила обычный дыхательный ритм. В зеркальном отражении, пораженный Заур увидел свою любимую – ту самую незнакомку из недавнего сна! Он не помнил, как открыл украшенную узором дверь и вошел в ванную. Ему потребовалась вся его выдержка и сила, чтобы ничем не выдать себя. Он с трудом присел на край ванной, и судорожно вцепился руками в ее бортик, чтобы не упасть на пол без сознания. Он тысячу раз видел Зарину!.. Тысячу!.. Он привык к ней, как к старому дивану в своей комнате, и совсем не воспринимал ее как женщину. Не замечал ни ее стройности, ни миловидности лица, ни покладистости характера... Ничего!.. Девчонка – и девчонка, подруга сестры и все... И вдруг – она та единственная, та неповторимая..., та, что на всю жизнь!.. Не может быть!.. Заур, с трудом унимая бешеный стук сердца, поднял взгляд к потолку.

— «Это шутка, Господи?..» — спросил юноша и тут же получил ответ в виде бешено заколотившегося сердца и учатившегося дыхания: «Нет, какие уж тут шутки!.. Когда шутят, такого не бывает».

Сквозь навалившуюся оторопь Заур вдруг почувствовал, как постепенно наполняется неимоверно радостным чувством и острым желанием раствориться в нём навсегда. Встряхнув головой, он сел на корточки и попытался расслабиться. Совершенно отдавшись тёплому потоку новых ощущений, он наслаждался каждым моментом только что ожившего в его сердце чувства.

— «Эй, ты что там, застрял?.. С тобой всё нормально?» — озабоченный голос сестры резким толчком вернул Заура из охватившего его забытья. Он открыл глаза и поднял голову.

— «Всё нормально, сейчас выйду. Я тут кран поправляю», — с трудом ответил парень, стараясь придать голосу обычное звучание.

— «Мама звонила. Она скоро придёт. Ехать надо, пока светло. У нас всё готово».

— «Иду!» — Заур с усилием встал, встряхнулся и, глухо щёлкнув дверной щеколдой, вышел из ванной.

Глава 7

Подъезжая к стройке, Урызماغ почему-то вспомнил свой вчерашний разговор с супругой перед сном. Немного раздобревшая, но всё ещё стройная Ацырухс, облачаясь у зеркала в ночную рубашку, повернулась к лежащему на кровати супругу и мягко произнесла:

— «Ты чего такой агрессивный сегодня, „хозяин“?»

— «Прости меня, Рыжик... Что-то мне не по себе в последнее время. Настроение какое-то... странное», — натягивая одеяло до самого подбородка, нехотя пробубнил себе под нос Урызмаг.

— «Ну а что случилось-то... бедный ты мой?..»

— «Страшно мне...» — вытянувшись на кровати, не глядя на жену, задумчиво проговорил Урызмаг.

— «Это почему?..» — присев рядом на кровать, Ацырухс удивлённо посмотрела на нахохлившегося мужа.

— «Потому что я не понимаю, что происходит!..»

— «А что такое?..»

— «Боюсь!..»

— «Кого?..»

— «Не „кого“, а „за кого“!..»

— «А за кого ты боишься?»

— «За всех...» — не меняя позы, добавил Урызмаг.

— «Как это?..»

Урызмаг повернул голову с сожалением и с затаённой завистью посмотрел на супругу. Через мгновение, ничего не ответив, он неторопливо отвернулся.

— «Отвечай любимой супруге», — Ацырухс капризно толкнула супруга в накрытый одеялом бок.

Урызмаг оглянулся и нехотя посмотрел на жену. Чуть помолчав, он тихо спросил:

— «Кто мы, на фсин?..»

— «Семья!..» — женщина недоумённо подняла красиво очерченные брови.

— «Да нет... Мы... все?..»

— «Люди, наверное... народ!»

— «Люди ли?..» — невесело усмехнулся Урызмаг.

— «Да бог с тобой! Что ты говоришь?.. А что такого произошло?..» — женщина тоже прилегла и почти вплотную придвинулась к расслабленно лежащему мужу.

— «А разве незаметно, что у нас всё разваливается?..»

— «А что мы делаем не так?..»

— «А разве мы что-то делаем так?..» — мужчина молча в упор посмотрел на супругу. В его глазах отчётливо читались глубокие боль и страдание. Ацырухс, ничего не понимая, продолжала глядеть на мужа.

Отведя в сторону насупленный взгляд, Урызмаг подтянул ноги и сел на кровати. Ацырухс присела рядом. Через некоторое время он, не поднимая головы, негромко заговорил.

— «Почему мы так не уважаем себя?.. Почему мы так легко готовы забыть всё своё родное и сумасшедшими дозами, как маньяки, глотаем чуждое, непривычное, к тому же самого низкого и гадкого качества, а?..»

Сделав паузу, он чуть подождал, а затем продолжил.

— «Почему то, что раньше для нас было стыдно и считалось позором, теперь вдруг стало нормой и принимается за добродетель, а?.. Почему мы готовы рисковать головой во имя личной выгоды, но никогда не постараться для общей пользы?.. Почему мы так равнодушны, когда дело касается нашей души и совести, и так непримиримы, когда боремся за своё личное материальное благополучие, а?.. Ты можешь мне ответить на эти вопросы?..»

Грустно опустив голову, Ацырухс тяжело выдохнула и отвернулась от угрюмо сидящего мужа.

Снова наступила продолжительная пауза.

— «Я не знаю, что тебе сказать!.. Что мы можем, Урызмаг?..» — наконец вполголоса сокрушённо произнесла женщина, подняв взгляд на мужа. — «Мы не можем этому противостоять!»

— «Неправда!» — с жаром отозвался Урызмаг. — «Ещё как можем, мы просто не хотим! Мы даже не желаем понимать, что мы такие ничтожные и слабые именно потому, что наше „я“ слишком уж большое по сравнению с нашей совестью! Это нам и не позволяет быть вместе, и мы остаёмся слабыми!.. За это нас всё время и наказывают свыше, а мы ничего не хотим понимать...»

Он заметался на постели:

— «Прав был отец... прав!.. Без Бога не удержать наше плотское в положенных для жизни рамках, не удержать! Все, кроме нас, это понимают, только мы, словно деревянные, ничего знать не желаем»

— «Т-с-с... тихо, тихо... Дети услышат...» — испуганная Ацырухс порывисто обняла дрожащего супруга и бережно прижала к себе. Он покорно затих. Так неподвижно они и сидели некоторое время в тишине уютной супружеской спальни.

Через некоторое время Урызмаг осторожно высвободился из объятий жены и, с благодарностью глядя ей в глаза, нежно погладил по шелковистым, уже с заметной проседью, волосам. Затем он снова забрался под одеяло и отвернулся к плотно занавешенному окну. Тихо вздохнув, Ацырухс осторожно встала с кровати и, погасив в спальне свет, тихо вернулась к кровати. Ещё раз она украдкой взглянула на уже притихшего супруга и улеглась на своё место.

Урызмаг припарковал машину и не торопясь направился к своему выкрашенному в тёмно-зелёный цвет прорабскому вагончику. Он механически шагал по утопанной мешанине земли и кирпичных осколков, отстранённо здороваясь со снующими туда-сюда рабочими, весело приветствовавшими своего прораба.

Войдя в вагончик, он неторопливо сел за стол и без энтузиазма стал листать плановый журнал, нехотя размышляя о том, что будет делать, если вдруг рабочим ещё не дали денег.

Негромкий стук в дверь прервал его невесёлые размышления.

— «Можно?..» — на пороге стоял седобородый Тотраз в рабочем комбинезоне, ожидая разрешения войти.

— «Заходи, конечно!» — поднялся навстречу вошедшему старику Урызмаг, по обычаю приветствуя старшего. — «Садись!..» — Он пододвинул к заваленному бумагами столу второй стул.

— «Садись и ты», — разрешил Тотраз после того, как сам чинно расположился на предложенном ему стуле.

С напряжённым от ожидания худшего лицом Урызмаг тоже уселся на своё место, не сводя пытливого взгляда с неподвижной фигуры Тотраза. Несколько мгновений они молча глядели друг на друга, затем старик, кряхтя, заговорил.

— «Я пришёл сказать тебе спасибо! От всех нас. Отдали. Всё до копейки! Я думаю, если бы не ты, мы этих денег ещё долго не увидели бы. Спасибо тебе, Урызмаг! Мне-то, старику, много не надо, но у других — жёны, дети... Да-а-а... Трудно было?..»

— «Нормально», — Урызмаг улыбнулся и расслабленно откинулся на спинку шатающегося стула.

— «Рассказывай... Я ведь этого «хомяка» хорошо знаю!.. Небось верещал до последнего! Да?..» — Мастер, заулыбавшись, слегка хлопнул ладонью себя по колену.

— «Тотраз, можно тебя о чём-то спросить?..» — стал вдруг серьёзным прораб, задумчиво потерев подбородок.

— «Спрашивай, сынок. Чем смогу, помогу...» — Старик взглянул на него смеющимися глазами и приготовился слушать.

Тот, опустив голову, на мгновение задумался, а затем, вновь взглянув на сидящего в ожидании старика, чуть волнуясь, произнёс:

— «Ты прожил долгую жизнь, Тотраз, ты намного старше меня... Скажи, что с нами происходит?..»

— «С кем?.. Со строительством?..» — Мастер еле заметно подался телом к собеседнику.

— «Нет... С нами, всеми!.. Откуда вдруг появились такие непонятные люди, как Солтан?.. Почему мы всё время говорим о нашем законе, наших обычаях, но упорно не желаем соблюдать их и жить по их правилам?.. Почему мы кичимся своим великим происхождением, а в реальности ведём себя по отношению друг к другу так, что даже законченные эгоисты могут позавидовать?.. Почему?..»

Услышав такие необычные вопросы из уст своего прораба, Тотраз от удивления застыл. Через секунду придя в себя, он слегка кашлянул, прочищая вдруг осипшее горло, и снова взглянул на Урызмага.

— «Да-а-а... Вопрос...» — старик нервно побарабанил пальцами по коленям и тяжело выдохнул: — «Тут можно отвечать долго, а можно и коротко... Бога в нас не стало, парень, Бога...»

— «А был?..» — Урызмаг приподнял уголок рта.

— «Был!.. И пока он был — равных нам не было!.. А потом — головка закружилась...» — уверенно закивал старик.

— «А теперь что?.. Выходит, пропадать?..» — огорчённо приподнял плечи прораб.

— «Зачем — пропадать?.. Возвращать!.. Только не нужно путать Бога с волшебной палочкой: помолится — и в «дамки»!.. Тут нужно душу менять, а не изображать порядочность. А это трудно... очень трудно...» — закончил Тотраз сокрушённо.

— «И?..» — вопросительно протянул Урызмаг.

— «Никаких «и»! Меняться — и всё! Иначе не выжить», — категорично взмахнул рукой старик.

— «Как?..» — с сарказмом спросил прораб.

— «Вот чего не знаю, того не знаю... Как старший, я вижу, чего нам не хватает, а вот как это возвращать — решать вам, молодым... Условия-то нынче изменились», — Тотраз хитро прищурил направленный на собеседника взгляд.

— «Ты прям как Бека — всё в Бога упираешь!..» — усмехнулся Урызмаг.

— «В него, родного, в него... Как по-другому нам извести всех этих „Солтанов“? С „собачьей скалы“ сбрасывать, что ли?..» — с такой же усмешкой ответил старик, качая головой.

— «Ладно, Тотраз... Спасибо! Я тебя понял. Будем думать», — Урызмаг примирительно улыбнулся своему старшему товарищу.

— «Не переживай, мы народ мудрый, скоро всё поймём. А когда поймём — всё понесётся с быстротой лавины. Тогда — только держись!» — старик встал и обнадеживающе похлопал по плечу Урызмага. — «Но потрудиться придётся... Ладно, я пошёл, а то, пока не настали эти благословенные времена, за нашими людьми нужен глаз да глаз. Ещё раз спасибо! Да поможет всем нам Бог!» — с нажимом закончил старик и, снова надев на серую кепку оранжевую строительную каску, степенно вышел из прорабского вагончика.

Оставшись в одиночестве, Урызмаг довольно заулыбался. Он очень любил Тотраза. Только тот мог с такой простотой и точностью вести самую сложную беседу, совершенно не претендуя на высокое звание мудреца. Урызмагу это очень нравилось.

Проводив старика, он вернулся за стол, сел и снова откинулся на спинку стула. Ему стало гораздо легче. Впереди забрезжил пусть пока ещё не очень ясный, но всё же просвет.

Глава 8

Бек спокойно жевал постную кашу, когда со двора донёсся чей-то неясный возглас, который сразу же был перебит угрожающим собачьим лаем. Мужчина медленно положил ложку на

блюдо и повернул голову в сторону кухни. Оттуда мелкой, шаркающей походкой уже торопилась к выходу Даткин. Через мгновение послышался щелчок врезного замка и негромкий звук открываемой двери. Ещё через мгновение она снова хлопнула, и до слуха старика донеслись негромкие голоса.

«Заходи, прошу тебя, Хамурза!.. Милости просим. Хозяин в гостиной», — приветливый тон супруги заставил Бека покачать головой и усмехнуться. Даткин не любила этого заносчивого Хамурзу, считающего себя самым авторитетным жителем аула, но обычаем требовал традиционной вежливости.

Дверь гостиной широко распахнулась, и через порог нарочито торжественно шагнул высокий дородный мужчина с бледным, холёным лицом. Хозяин встал из-за стола и, как полагают, шагнул навстречу вошедшему.

«Гость — божий гость!..» — произнёс он, крепко пожимая руку визитёру, уже догадываясь, что сейчас состоится непростой разговор. Он знал, что его требование собрать на завтра сельский сход вызовет у некоторых жителей села определённую реакцию, но что это случится так скоро, не предполагал. Даткин вышла из кухни с подносом, на котором стояли тарелки с пирогами и нарезанным мясом. Небольшой кувшин осетинского пива посередине подноса находился в окружении трёх небольших стаканчиков. Оставив всё это на трёхногом фынге, она бесшумно исчезла.

— «Ничего... Быстро сообразили!..» — подумал Бека, подвигая гостью невысокий стул с резной спинкой.

Усевшись с гостем за стол, Бека налил домашнее пенистое пиво и, подав его гостью, замер в ожидании. Хамурза взял стакан, театрально поднял глаза к потолку и, чуть помолчав, начал неторопливо молиться.

— «Счастья и мира этому дому!.. Да благословит вас Создатель! Да будете счастливы вы и ваши потомки!.. Аминь!..»

Закончив молитву, он опустошил стакан и поставил его на отполированную поверхность столика. Бека тут же положил ему в тарелку кусок хорошо проваренного мяса и пирог с сыром.

— «Поешь, Хамурза, окажи милость», — ровным голосом произнес старик, стараясь придать лицу более добродушное выражение. — «Оцени талант хозяйки».

Гость аккуратно отщипнул кусочек от лежащего перед ним пирога и, отправив его в рот, стал тщательно жевать.

— «Да благословит Господь руки, сделавшие эту еду!.. Очень вкусно!» — произнес он, высокопарно изображая удовольствие. — «Но ты же знаешь, Бека, старики много не едят, тем более я только что из-за стола».

Мужчины, глядя друг на друга, немного помолчали, а затем Хамурза продолжил.

— «Мне передали, что завтра ты хочешь созвать сельский сход по поводу участка перед святилищем. Это правда?..» — он умолк и многозначительно посмотрел на хозяина, который снова неторопливо наливал гостью пиво.

— «Как же — „передали“... Доложили!.. Так оно вернее будет!» — не глядя на гостя, подумал про себя Бека, а вслух произнес:

— «А что такое?.. Что-то не так?..»

— «А что за нужда такая?.. Есть же верхняя тропа», — в голосе Хамурзы слышались лёгкие нотки недоумения.

— «А танцевать людям где?.. Не все ж только кушать, иногда надо и о душе подумать», — с таким же наигранным удивлением произнёс Бека, чуть придвинувшись к гостью.

— «Да ради бога!.. Кто сейчас ещё танцует?!..» — откинувшись на спинку стула, с улыбкой произнёс Хамурза.

— «А может, потому и не танцуют, что нам с тобой, „отцам народа“, до этого нет никакого дела? А?.. Как ты думаешь?» — глядя ему прямо в лицо, снова спросил хозяин.

— «Я как раз и забочусь обо всех. Ты хоть знаешь, кто этот человек — теперешний владелец участка?» — с трудом скрывая раздражение, спросил Хамурза.

— «Догадываюсь... Не зря же вы оказались такими щедрыми!..» — усмехнулся, не поднимая глаз, Бека.

— «Неужели ты не хочешь, чтобы от нас до города шло ровное асфальтовое шоссе, а не как разбитая авиабомбами „фронтальная“ дорога?.. И не мечтаешь о газе, который, наконец, освободит нас от этой нудной ежегодной заготовки дров и угля?.. И уж наверняка ты не хочешь, чтобы снова заработала наша старая турбаза, дав сельчанам два десятка рабочих мест?.. Не хочешь?..» — гость умолк, вопросительно глядя на хозяина дома.

— «Когда тело страдает, то на душу, конечно, можно внимания не обращать... Всё правильно, — Бека слегка кивнул головой. — А тебе не кажется, что именно такой взгляд на жизнь и довёл нас до сегодняшнего состояния? Или ты считаешь, что мы процветаем?..»

— «Послушай, Бека, я не хочу забираться в дебри. Но „лучше худой мир, чем добрая ссора“! Надо жить, помогая друг другу! А с ними лучше не связываться — себе дороже выйдет. Пойми ты это!..» — понизив голос почти до шёпота, доверительно проговорил Хамурза.

— «Если ты меня пугаешь, то зря!.. Я не боюсь», — будничным тоном ответил Бека, слегка улыбнувшись губами.

Хамурза оторопел и, сразу растеряв все аргументы, упёрся озабоченным взглядом в безмятежное лицо старика. Наступила довольно продолжительная пауза. Через некоторое время гость, опустив глаза, с искренним сожалением произнёс:

— «Ну, как знаешь... Я ведь к тебе с добром приходил. Предупредить хотел».

— «Спасибо, я так и подумал», — Бека улыбнулся и тоже кивнул гостю. Опять наступила неловкая пауза, во время которой мужчины молча глядели друг на друга.

— «Ну ладно... я пойду. Спасибо за угощение», — отодвинув стул, Хамурза встал.

— «На здоровье. Заходи чаще. Всегда тебе рады», — хозяин тоже встал, чтобы проводить гостя.

Они вышли во двор и направились к калитке ворот. Хамурза, идя первым, нарочито театрально вышагивал по ухоженному двору, направляясь к выкрашенным в тёмно-коричневый цвет воротам. Бека не торопясь шёл за ним. В его голову вдруг пришли дурашливые мысли.

— «Мудре-е-е-ец!.. Ишь какую шею наел. И главное — во всём уверен!.. Даже завидно, честное слово... Да-а-а!.. Ну да ладно... Не суди, и судим не будешь... Не грози и сам бояться не будешь... Очень поучительно. Но только не для них! ...Так! Всё, хватит!» — одёрнул сам себя Бека. — «Бог им судья... Ты за собой лучше посмотри, умник!»

Наконец Хамурза вышел со двора и, обернувшись, стал церемонно прощаться.

— «Ну, счастливо оставаться!.. Да будут всегда в этом достойном доме душевный покой и человеческое счастье!»

— «Да будет и твоя дорога пряма и безопасна! Да убережёт тебя от бед покровитель мужчин и путников!.. Да приведёт он тебя благополучно к родному порогу!» — отвечая на традиционные пожелания, произнёс Бека в тон гостю, и тот, прощаясь, вскинул руку, а затем повернулся и зашагал по пустынной улице.

— «Ну что, получил?..» — ехидно произнесла Даткин, стоя на пороге кухни и насмешливо глядя на неподвижно сидящего на прежнем месте супруга. Бека грозно взглянул на ёрничающую жену.

— «Ты стала слишком смелой, женщина!.. Смотри, как бы не пришлось пожалеть!»

— «Ой, как напугал, просто жуть!..» — привалившись к косяку, Даткин картинно схватилась за сердце. — «Ой, не могу, сейчас умру!..»

Стиснув зубы изо всех сил, Бека еле сдержал прорывающийся наружу смех.

— «Не зли меня, женщина!.. Или я возьмусь за твоё воспитание!»

— «Да, да... Давно пора! Самое время! А то, глядишь, избалуюсь... Угу!..» — продолжая дурачиться, кивала головой Даткин.

Бека прикрыл глаза, зная, что ещё чуть-чуть — и он не выдержит. Он обожал эти игры своей супруги, в которых изображал жёсткого главу дома, а она — слабую и невинную жертву.

— «Брысь отсюда, невоспитуемая порода! Или сейчас тебе будет очень больно!» — супруг сделал вид, что хочет встать.

— «Тихо, тихо! Осторожнее, без резких движений. А то вдруг что-нибудь отвалится! Пришивай потом», — зашипела с испуганным видом Даткин.

— «Ха-ха-ха...» — не выдержал Бека, по-юношески звонко засмеявшись. — «Вот ведь чёрт в юбке, а!.. Жаль, что тебя тогда Тымыгь копытом не стукнул. Сейчас бы не пришлось с тобой пререкаться!»

Даткин молча смотрела на супруга и думала о том, как он до сих пор ей дорог. О её чувствах было трудно догадаться по лицу. Только в глубине глаз можно было заметить всю ту неиссякаемую нежность, которую она питала к своему мужу.

— «Ну вот, теперь совсем другое дело! А то сидел, как будто у него все зубы ноют!» — нарочито равнодушно заметила Даткин, не сводя взгляда со смеющегося Беки.

— «Ну, спасибо. Подняла настроение!» — честно признался он, действительно чувствуя изменения своего состояния. — «Видала, как они засуетились?.. Мафия бессмертна!»

— «И что теперь?.. Что делать-то будешь?..» — при этих словах лицо Даткин чуть помрачнело.

— «Ничего... Знаешь, как говорят: „Делай что должен — и будь что будет!“ Так что не переживай, старая, пробьёмся!..» — и, подмигнув озабоченной супруге, тревожно сдвинувшей надбровные дуги к переносице, Бека весело воскликнул: «Эй... эй!.. Теперь что, мне тебя утешать?..»

Глядя на потерявшее игривость лицо супруги, он тоже перестал смеяться и с укоризной протянул:

— «Да не переживай ты так!.. Всё будет хорошо. Слово даю!»

Даткина в знак согласия склонила голову и, тяжело вздохнув, исчезла в глубине кухни. У Беки тоскливо защемило сердце.

— «Всю жизнь со мной мучается, бедная!.. Правдолюб хренов, лучше бы о своих близких позаботился!..» — выругался он на себя, прекрасно понимая, что жить по-другому всё равно не сможет.

Глава 9

Близился тёплый вечер, казавшийся ещё более прелестным на фоне живописной природы Кобанского ущелья, до краёв наполненного весенним дыханием. Вечер густел, и природа, судя по всему, уже готовилась к своему заслуженному ночному отдыху. На розовеющих вершинах высоких скал гаснущая заря создавала удивительную иллюзию игры отблесков зажжённого на небе гигантского костра, гармонично смешивая алые и жёлтые цвета. Многочисленные поляны, хаотически разбросанные среди покрытых рожами предгорных холмов, были ещё ясно видны, хотя уже значительно меньше отличались по оттенкам от погружённых в полумрак лесных массивов.

В тишине засыпающей природы, ровно и мягко урча мотором, по петляющей асфальтовой дороге стремительно мчалась машина Заура.

— «Не гони так, сынок!.. Не на пожар же... Ты что, всегда так едешь?» — Ацырухс осторожно тронула за плечо сына, упёршегося сосредоточенным взглядом в уходящую вдаль горную дорогу.

— «Ты что, мамуля, хочешь, чтобы такой джигит ездил, как все?..» — послышался с заднего сиденья насмешливый голос Агунды. — «Ха-ха!.. Это ты его ещё в гневе не видела, мамуль... Просто огонь!.. Он влюбился, наверное!..»

Резко прозвучавший визг тормозов бросил вперёд двух опешивших от неожиданности женщин. После полной остановки Ацырухс, потирая ударенный о панель приборов локоть, морщась, удивлённо смотрела на сына, не в силах понять его реакцию на шутку сестры.

— «Мамуля, он меня убил!..» — страдальческий голос Агунды, прозвучавший позади, вывел наконец сидящего с застывшим лицом Заура из ступора. Он резко повернулся назад.

— «Агуся, ты ударилась, да?.. Сильно?» — его лицо исказила гримаса раскаяния.

— «Дурак!..» — коротко отрезала сестра, что можно было перевести как «ладно, прощаю».

Отвернувшись от сестры, Заур поднял растерянный взгляд на мать и с сожалением произнёс:

— «Прости, ма... Я не хотел. Просто как-то неожиданно... и я среагировал».

Ацырухс, молча потирая руку, продолжала с любопытством смотреть на огорчённого сына. Тот виновато улыбнулся.

— «Ладно, поехали... Только теперь очень осторожно», — наконец произнесла мать, в глазах которой внимательный наблюдатель мог заметить в тот момент лукавый оттенок. — «А ты... — уже обращаясь к дочери, продолжила она, — будешь серьёзно наказана, если ещё раз позволишь себе подобные шутки!»

— «Ну да, как всегда, виновата я!.. Кто бы сомневался! И что бы вы все без меня делали?» — жизнерадостно откликнулась Агунда, просунув голову между передними креслами машины.

— «Ты меня слышала! Потом не обижайся», — Ацырухс, пряча улыбку, свела брови к переносице и повысила голос: — «Сядь нормально, трещотка, и замолчи!»

— «Да ладно, ма... Я сам виноват. Тело всё время впереди головы бежит. Уже и сам не рад», — пробормотал, смущаясь, Заур, слегка поведя головой.

Пустынная дорога плавно мчалась навстречу одинокой машине, старательно петляя среди крутых, покрытых сланцевыми слоями склонов. В салоне все молчали. Каждый, отвлечённо наблюдая за быстро сменяющимися картинками снаружи, думал о чём-то своём.

Ацырухс охватило радостное предчувствие. В её душе затеплилась надежда, что у сына, которого уже пора женить, наконец зародилось долгожданное первое чувство.

Агунда, перестав стенать, вяло мечтала, что её «безголовый» брат наконец «разует» глаза и увидит в Зарине не просто знакомую и подругу сестры, но и потрясающе красивую девушку.

А Заур, сжимая руль, ругал себя за то, что, подобно ребёнку, слишком эмоционально отреагировал на невинную шутку сестры.

Через некоторое время, в сгущающихся сумерках, показались неясные контуры первых жилых строений горного поселения, смутно выделявшихся своей тёмной массивностью в уже явно проявленном лунном свете. Машина пропетляла по аулу и уже через десять минут подъехала к деревянным воротам с высокой калиткой, украшенной массивной кованой ручкой в виде дракона. Заур сразу вышел, хрустнул застывшими суставами и принялся выгружать почти заполнившие пространство багажника объёмные кульки. Легко выпорхнувшая из салона автомобиля Агунда заботливо помогла выйти маме, а затем, стремительно схватив два объёмистых пакета, ринулась к плотно закрытой калитке. Привычно нажав коленом на открывающую засов железную скобу, она уже через секунду ворвалась внутрь родового гнезда, погружённого в безмятежную тишину. Вслед за ней устремились мать и брат.

Нагруженная гостинцами тройца, предвкушая радостную встречу со стариками, уверенно шагала по пешеходной дорожке, направляясь к дому в глубине двора. Внезапно дверь прихожей распахнулась, и оттуда, широко раскинув руки и счастливо причитая, вырвалась Даткин.

— «О мой свет!.. О мои кровиночки!..»

— «А-а-а-а...» — Агунда, бросив свёртки на землю, прыжком оказывается в объятиях радостной бабушки. Несмотря на солидный возраст, Даткин легко приняла радостно верещащую девушку на руки и крепко прижала к себе. Затем, с Агундой в объятиях, она сразу же поспешила к внуку. Опустив девушку на землю, Даткин, всхлипывая, обняла Заура, который, немного стесняясь, мягко отстранялся от сердечных объятий бабушки, считая, что подобное проявление чувств мужчине не к лицу. Он обожал бабулю и был ей обязан всем «осетинским» в своей молодой душе, но тем не менее смущался показывать свои чувства подобным образом. Пообнимавшись с внуками, Даткин наконец подошла к скромно улыбающейся невестке. Несколько мгновений они без слов смотрели друг на друга, а затем крепко обнялись. Объятия были очень искренними, ибо эти женщины любили друг друга, что во все времена для невестки и свекрови — явление довольно редкое.

Ацырухс хорошо помнила, как её, тогда ещё совсем юную, в этом доме встретила ещё довольно моложавая свекровь. Наслушавшись рассказов о бесчинствах «свекрух» и бесправности невесток в мужниной семье, она приготовилась к самым жёстким и несправедливым «гонениям» со стороны неведомых ей родственников мужа.

Но она была шокирована тем предупредительным и ласковым отношением, которым её окружили в новой семье. Даткин попросту заменила ей слишком рано ушедшую из жизни мать невестки. И сейчас, обнимая старую женщину, Ацырухс чувствовала, как щемит её сердце от встречи с чем-то бесконечно близким и дорогим. Она зажмурилась и, всхлипнув, ещё крепче прижалась к груди свекрови.

Даткин, ласково прижимая к себе Ацырухс, осторожно погладила волосы невестки. Ещё ребёнком ощутившая на себе всю тяжесть послевоенных времён, видевшая на своём веку много разного и хорошо знакомая с голодом и холодом, Даткин не понаслышке знала цену и жестокости, и состраданию. Приобретённый за годы житейский опыт давным-давно позволил ей определить для себя самый главный закон этой непростой жизни. Основа любого человеческого счастья на земле — доброта. И когда молодая девочка с испуганными глазами, доверчиво глядя на всевластную «афсин», робко переступила порог их дома, то в душе Даткин поднялась такая тёплая, щемящая волна нежности, что она сразу же окутала невестку всеобъемлющей материнской любовью и заботой.

Урызмаг был её единственным ребёнком. Двое других — мальчик семи лет и месячная девочка — не выжили. Сын не перенёс простуды, тяжело заболев после купания в горном ручье, а дочь родилась очень слабенькой (сказалось непростое детство Даткин) и, несмотря на все усилия городских докторов, потихоньку угасла от какой-то неизвестной детской болезни. Женщина не любила вспоминать эти страшные дни и, прячась от мыслей за повседневной суетой, долгое время доводила себя почти до изнеможения непосильной работой по хозяйству. Именно поэтому после появления в их доме невестки она постаралась сразу же убедить себя в том, что Ацырухс и есть её выросшая дочь. Девочка, очень рано ставшая сиротой, не могла этого не почувствовать и платила свекрови таким же тёплым отношением. Обе женщины с полуслова понимали друг друга, но никогда не говорили открыто о своих чувствах, скрывая их за принятым этикетом. И теперь, обнявшись, они задержались чуть дольше положенного, заставив вышедшего Бека и детей некоторое время молча наблюдать за ними.

— «Ну ладно, старая, заканчивай с нежностями! Ты не уснула там, случайно?..» — насмешливый голос старика вывел обеих женщин из оцепенения. — «Детей-то кормить будешь или нет?..»

Услышав издевательскую реплику супруга, Даткин торопливо отстранилась от Ацырухс и снова радостно принялась обнимать стоящих рядом с дедом внуков. Чуть погодя, не выпуская Агунду и Заура из объятий, она повела долгожданных гостей в дом.

Поздний вечер, вступая в свои законные права, нагонял на нагретые за день скалы прохладный ветерок, наполняя ночной воздух приятным ощущением свежести. Уже ожившие

сверчки во всю свою мощь начали ночную песню, внося своим стрекотом убаюкивающий уют в сгущающийся ночной сумрак.

Приехавший позже Урызмаг сидел у ворот родительского дома и с надеждой вглядывался в узкую аульную улочку. Причудливо петляющая среди гигантских валунов и каменных стен, она исчезала за поворотом, не позволяя увидеть, что там дальше, и сгущающаяся темнота в этом сильно помогала наступающей ночи. Подняв голову, он посмотрел на яркую россыпь созвездий на чёрном небосклоне и с неясным ощущением счастья подумал про себя:

— «Да... В городе можно забыть, какие они всё-таки яркие, эти звёзды!.. Суедемся, суедемся, а потом, под конец, понимаем, что все эти наши достижения по сравнению с этим не стоят и выеденного яйца... Прав отец: надо просто жить. Просто жить»

Услышав рычание автомобильного мотора, Урызмаг отвлёкся от своих мыслей и с готовностью встал. Лихорадочно шаря слепящими фарами по гравийной дороге, натуженно урча, поднималась легковая машина. Урызмаг степенно вышел к центру грунтовки и неподвижно замер в ожидании.

— «Попались, голубчики! — злорадно подумал он, довольно потирая руки. — Теперь никуда не денетесь!» — Он устал ждать случайных прохожих и твёрдо решил, что теперь никакие отговорки не спасут поздних проезжающих от их гостеприимства. Целый час вся семья сидит голодной!..

Подъехав почти вплотную к перегородившему дорогу человеку, машина сердито фыркнула и, не погасив фар, умолкла. Дверца водителя открылась, и оттуда вынырнул силуэт рослого мужчины.

— «Ты, что ли, Урызмаг?.. Вот тебе раз! Давно не виделись!» — Урызмаг узнал голос одного из своих одноклассников.

— «Ты, Ацамаз?.. Вот молодец!.. Ты-то мне и нужен!..» — он подошёл к мужчине, и они тепло обнялись.

— «Что случилось?.. Чего это ты посреди дороги выстроился?..» — улыбаясь, спросил через секунду водитель.

— «Без гостей Бека отказывается принимать пищу, и все сидят голодными. Ты же его знаешь! Так что не трать времени на отговорки, Ацамаз: отказ не принимается!»

— «Да я-то что?.. Всегда с удовольствием. Но я сегодня не один. Посмотри в салон, у меня там гость из России. Служили вместе, вот он решил этим летом нас навестить», — заулыбавшись ещё шире, Ацамаз указал рукой на пассажира: — «Ему с дороги отдохнуть надо!»

— «Не надо!.. Я ведь тоже вас не на зиу приглашаю. А то, что гость издалека, так это ещё лучше! Послушаем, как там у них всё устроено»

С этими словами Урызмаг заглянул в салон и протянул руку.

— «Здравствуй, гость! Хочу, чтобы ты посетил и мой дом! Мы вас очень ждали!» — обратился он по-русски к сидящему в штурманском кресле мужчине плотного телосложения.

Мужчина неопределённо пожал плечами и вопросительно посмотрел на Ацамаза.

— «Выходи, Миша, выходи... Соппротивление бесполезно, всё равно не отвяжутся! А будем упорствовать: дороже встанет...»

— «Ас-с-а!» — в азарте рычал на весь двор Заур, волчком вертясь вокруг молоденькой девушки, яростно исполняя мужскую часть древнего танца «Приглашение». Принципиально считая, что умение танцевать — это долг и обязанность каждого настоящего осетина, он не хотел ударить перед дедом в грязь лицом и старался изо всех сил. Сидящий во главе стола Бека, хоть и сохранял серьёзное выражение лица, был чрезвычайно доволен течением вечера, специально организованного в честь приезда его младших. Краем глаза он наблюдал за внуком, испытывая гордость за его незаурядные ловкость и умение в этом далеко не простом осетинском танце.

За длинным столом с десяток мужчин, забыв об угощении, дружно аплодировали не падающему себя танцору, лихими па не дающему выйти из круга своей словно парящей над землёй партнёрше. Потупив взор, девушка плавно плыла то в одну, то в другую сторону, стремясь вырваться из танцевального круга и скрыться в толпе смеющихся подруг. Но у неё это не получалось. Молодые девушки, выстроившиеся вдоль стены, смотрели на танцующую пару и, улыбаясь, таинственно перешёптывались, бросая завуалированные взгляды на парней, стоящих напротив. Пожилые женщины, с достоинством расположившиеся на мягких диванах у дальней стены, хлопали в такт зажигательной музыке и негромко подпевали. Вовсю веселясь, гости почти не прикасались к стоящим перед ними на маленьких столиках разнообразным яствам. Вечер удался на славу!

Танец закончился, и во дворе наступила относительная тишина. Бека оглядел молча сидящих под навесом за пиршественным столом мужчин и властно произнес:

— «Урызмаг!.. Песню Уастырджи!»

Через мгновение среди наступившего безмолвия раздались первые звуки старинной обрядовой песни.

— «О-о-о, летящий в небе, гремящий, золотой Уас-тыр-джи-и!.. Тебе наши молитвы!..

О-о-о, Тебе молимся, у Тебя просим милости, золотой Уас-тыр-джи!»

Звонко зазвучал сильный голос Урызмага, и первые же звуки древней мелодии заставили людей в комнате вдруг почувствовать, как в их жилах в мгновение ока что-то ожило, зашевелилось, сопровождая усилившийся ток крови до гулкости громким ритмом пульса. Какое-то непонятное родное чувство широко разливалось в душах присутствующих людей, наполняя их сознание иным, более ёмким, содержательным пониманием жизни.

Сопровождающий солиста хор, стихийно сформировавшийся из сидевших за столом мужчин, набирая мощь, напрочь стирал в понимании слушающих границы времени и пространства. Невидимыми, но прочными нитями песня соединяла их с далёким и непростым прошлым своего народа, которое люди в этот момент ощущали физически. Потупленные взоры женщин, полуприкрытые веки мужчин, округлившиеся глаза притихших детей... — буквально всё говорило о состоянии прострации, в которое впали присутствующие, внимая гласу своего первородного естества. Естества духа, переданного через тысячелетия далёким потомкам прошедшими поколениями посредством этой песни.

Уастырджи — ангел, посланный Богом на землю, чтобы помогать людям, — всегда был после Всевышнего главным защитником и помощником осетин, божественным посланником к ним. Покровитель путников и воинов, в образе сияющего золотом седобородого витязя, летающего на трехногом крылатом коне, он всегда был и остается высочайшим выразителем национальной ментальности осетин, очень точно выражающим их понимание этого мира. Испокон веков ориентированная на воинскую доблесть, благородство и честь, эта ментальность и сформировала мировоззрение этих людей, пронесших его, несмотря ни на что, через тысячелетия. И сейчас, отрешившись, они самозабвенно пели, пробуждая в себе эту нерушимую связь времен, не в силах сопротивляться природе этого своеобразного миропонимания.

Гость Ацамаза, Михаил, не понимая причины всеобщего экстаза, сидя за столом, слегка нервничал. Он испуганно оглядывался вокруг, явно ощущая исходящую от этой диковинной песни, с ее трудноуловимой, противоестественной мелодией, ничем не объяснимую силу. То вечное, оторванное от повседневности высокое начало, которое, неудержимо пробуждая душу, всегда так манит к себе погрязшего в сиюминутных проблемах человека.

Урызмаг, закончив петь, умолк. Еще мгновение стояла всеобщая тишина, затем Бека, возвращая застолье в прежнее русло, поднял чашу и громко произнес.

— «За предков!.. За связь поколений!.. Да не иссякнет дух осетинский!..»

— «Аминь, Господи!..» — вздымая в вытянутых руках бокалы, дружно поддержали мужчины тост старшего.

Расходились далеко за полночь. Мужчины, прощаясь, долго обнимались у ворот и, бесцеремонно нарушая ночную тишину спящего аула, громко желали друг другу здоровья и добра.

Женщины, негромко переговариваясь между собой, тихо собирали утомившихся и уснувших где попало детей и бережно несли домой. Присутствовавшая на вечере молодёжь, сбившись в кучки, что-то весело обсуждала, вполголоса подтрунивая друг над другом. Уже вступившая в свои права ночь убаюкивала аул завораживающим блеском парящего месяца.

Бека вышел во двор и кивком головы подозвал возвращающегося с улицы Урызмага. Торопливо приблизившись, тот в ожидании остановился в двух шагах от отца.

— «Я доволен!» — через секунду молчания доброжелательно произнёс отец, пристально глядя на сына. — «Надеюсь, ты сам здесь со всем разберёшься, а я — спать... устал!..» — и, глубоко вздохнув, добавил: — «Пойду... Завтра трудный день».

Проводив старика взглядом, Урызмаг ясно ощутил в душе огромную волну уважения к этому родному и незаурядному человеку, в чём-то очень мудрому и которого он всегда явно недооценивал.

Глава 10

Яркий солнечный свет мощным потоком проникал через неплотно сдвинутые светлые шторы спальни, пробиваясь даже сквозь закрытые веки. Выспавшийся всласть Урызмаг открыл глаза и с удовольствием потянулся. Он ещё немного полежал, радуясь новому летнему дню, а затем приподнялся на локтях и с улыбкой оглядел небольшую комнату. Кровать у противоположной стены, в которой провела ночь супруга, была аккуратно заправлена шёлковым покрывалом с узорами, на которых играли солнечные блики.

— «Ещё бы!.. Маманя не потерпит расслабления», — подумал Урызмаг, снова откидываясь на пуховую подушку. — «Здесь всё можно только сынку!.. Кровиночке, родному чаду. То есть мне».

Нежась, он снова натянул до подбородка одеяло, закрыл глаза и довольно выдохнул. Он словно вернулся в далёкое детство, почувствовав себя в этот миг совершенно счастливым.

Но уже через несколько минут он пришёл в себя, ощутив глубокие угрызения совести, и, решительно откинув одеяло, сел на кровати.

— «Ляля... Старый балбес!.. Скоро, если Бог даст, внуков женить, а всё туда же — ласки ему подавай...»

В глубине души Урызмаг, конечно, понимал, что не совсем прав. В любом возрасте человек стремится к счастью. Но как человек здравомыслящий, он отчётливо осознавал, что именно на нём и на его ровесниках лежит сейчас ответственность за будущее этого народа. Поэтому он даже на миг не имеет права позволить себе расслабиться и всё забыть. «Если такие, как он, начнут себя жалеть, как тогда быть остальным?..»

— «Что тогда делать нашим детям, а?.. Исчезать? Зачем тогда мы их рожали, растили?.. Зачем жили сами? Наши прадеды?.. Почему всё так странно у нас складывается?» — помрачнев, в который раз задал себе этот вопрос Урызмаг, но ответа у него не было. Поэтому он и не мог обрести душевный покой, который уже давно полагался ему по возрасту.

После тщательного умывания, в довольно уютной для сельской местности ванной, он бодро вошёл в просторную гостиную и остановился. Стол, сервированный на одну персону, терпеливо ожидал заспавшегося Урызмага.

— «Ты что, в карауле вчера был?..» — сидя на диване, спросил Бека, не отрывая взгляда от исписанной школьной тетрадки, лежащей перед ним на маленьком трёхногом столике.

— «Почему — в карауле?..» — немного опешив, остановился у стола сын.

— «Мне показалось, что ты ночи две не спал», — отец посмотрел на него поверх очков.

— «А ну не приставай к моему сыну, старый стручок!.. Пусть спит, сколько хочет! Сам вчера во сколько лёг, а?.. На моего мальчика всё кинул и ушёл!» — Возмущению Даткин не

было предела. — «Не обращай внимания, сынок, лучше сядь и поешь. Я всё подогрела». — Обняв Урызмага за плечи, она чуть ли не силой усадила его за стол.

Усадив сына, женщина начала энергично наполнять многочисленные тарелки разнообразными вкусами.

— «Да-да, конечно, маленький ты наш... Покушай!.. Кажется, мамуля до сих пор помнит, где лежит твоя старая соска!.. Ты бы сходила, принесла, „молодуха“!..» — ехидно улыбаясь и словно не замечая возмущённого взгляда супруги, размеренно произнёс Бека.

— «Э-э-эй!..» — грозно глядя на мужа, с укоризной покачала головой Даткин, что означало крайнюю степень недоумения.

Поняв, что переборщил, Бека примирительно замолчал и, опустив взгляд, снова углубился в чтение записей. Жующий Урызماغ незаметно дёрнул мать за руку и глазами показал, чтобы она, как и он, не обижалась на обычные шутки отца.

— «Ты что, его не знаешь, что ли?..» — еле слышно прошептал он, ласково поглаживая натруженную кисть матери. Та, соглашаясь, мигнула глазами и нежно провела по жёстким, коротко стриженным волосам мужчины.

— «А где невестка-то наша, ма?.. Дети?..» — спросил Урызماغ уже нормальным голосом.

— «Невестка и Агунда в огороде. Собирают то, что мы не успели. Заур дрова рубит, обещает вечером шашлык. В общем, всё при деле, не беспокойся».

Заметив, что Урызماغ перестал кушать, Даткин воскликнула.

— «Да ты же почти ничего не съел, мальчик мой!.. Невкусно?.. Может, ты чего-то особенного хочешь?.. Только скажи», — и она озабоченно склонилась к добродушно улыбающемуся сыну.

Обняв её одной рукой и прижавшись щекой к её плечу, Урызماغ краем глаза увидел, как глубоко вздохнул и сокрушённо покачал головой Бека.

— «Я ещё от вчерашнего не отошёл, мать... Только для порядка чуть перекусил», — не отрывая взгляда от иронически усмехающегося отца, произнёс извиняющимся тоном сын и встал из-за стола. Ещё раз чмокнув его в щёку, Датки собрала тарелки и шаркающей походкой направилась на кухню. Урызماغ не спеша подошёл к отцу и, заглядывая в тетрадку, стал пытаться разобрать текст.

— «На собрание со мной пойдёшь?..» — спросил старик, не отрывая взгляда от записей.

— «Если надо», — с готовностью бодро ответил Урызماغ, желая угодить отцу.

— «Надо?.. Это, брат, дело добровольное. Надо?.. Важно, хочешь ли ты?..» — поучающим тоном проворчал тот, всё ещё не отрываясь от своей писанины.

— «Мемуары пишешь, отец?» — попытался балагурить Урызماغ.

— «Завещание для невоспитанных потомков!..» — Бека многозначительно взглянул поверх очков на сына, который, извиняясь, смущённо опустил голову.

— «Пытаюсь прикинуть расходы на праздник. Деньги-то общественные, а отвечать мне», — отложив тетрадку, старик снял очки и повелительным жестом указав сыну на место перед собой, приказал:

— «Сядь!»

Урызماغ взял стул и, поставив его перед столиком отца, сдержанно присел.

— «Наш „умный“ сельский глава, ни с кем не посоветовавшись, продал какому-то начальству в городе „Жёлтую поляну“. Там хотят построить жилой дом. Теперь к святылищу со стороны села можно добраться только в обход. Судя по всему, покупатели — люди серьёзные, и так просто наверняка не отступят. Вопрос: как быть?..» — Бека степенно откинулся на мягкую спинку дивана и хитро прищурился.

Он затеял этот разговор с сыном специально, в воспитательных целях, тем более что представился удобный случай. Старик прекрасно знал, что и как ему делать, но абсолютно не уважал зависящих от чужого мнения людей и потому предпочитал отмалчиваться до поры,

чтобы окружающие учились проявлять инициативу. И если он кое-как терпел «я, как все» в других, в собственном сыне он этого видеть не хотел. Совершенно не рассчитывая в этом деле на помощь сельчан, Бека понимал, что столкновение будет затяжным и тяжёлым, возможно — с непредсказуемыми последствиями, и был к этому готов. Только одно серьёзно озадачивало старика: предстоящая «карусель» может втянуть в неприятности сына и внуков, и он хотел избежать этого во что бы то ни стало, хотя и знал, что подобная задача не из простых. Он много прожил и готов за свои убеждения идти до конца, но только не ценой жизни и свободы своих младших, пока совершенно, по его мнению, не готовых к противостоянию с «сильными» мира сего.

Ошарашенный Урызмаг, соображая, как отреагировать на сказанное отцом, некоторое время сидел молча, затем, еле сдерживая возмущение, произнёс:

— «Вот гад!..»

— «Ну почему сразу гад?.. Просто человек... Слабый человек. Начальство надавило, он и „поплыл“, — Бека с грустью покачал головой.

— «И что?.. Так это и оставить?» — сын, недоумевая, посмотрел на нахмуренного отца.

— «Нет, почему... Поговорю с людьми, напишем письмо. Посмотрим, что ответят. В лобовую воевать совершенно бессмысленно, только проблемы наживем. Такое теперь время, брат, наступило», — сокрушенно засопев, он с сожалением развел руками.

— «Извини, отец, но время всегда одинаковое. Сила солому всегда ломит. Тут просто надо решить, кто ты: сила или солома?..»

— «Пока совесть не проснется, мы всегда будем соломой! Одни раньше, другие позже!.. Разница небольшая. Если непонятно — оглянись кругом... Разве она кому-нибудь сейчас нужна — совесть?.. А когда веры нет, религия не поможет. Так что волну поднимать бессмысленно. Только зря силы потратим», — Бека невесело усмехнулся и снова взглянул на сына. — «Собирайся, если идешь со мной... Сам убедишься во всем».

Просторный кабинет главы администрации села приглушенно гудел, напоминая потревоженный улей. Мужчины что-то напряженно обсуждали между собой вполголоса, стараясь не повышать тона, несколько женщин в сторонке молча ожидали начала собрания.

— «Тут, на мой взгляд, и спорить не о чем, — сидя рядом с бледным Майрамом, нарочито глубокомысленным тоном весомо произнёс Хамурза. — По документам — всё согласно закону, и мне непонятно, зачем мы сегодня здесь собрались. Мы что, теперь никого не будем пускать из желающих поселиться в нашем селе? Или как?..»

Скрипнув кожей новой импортной куртки, он вопросительно глянул на хмуро сидящего среди людей Бека. В кабинете повисла неловкая тишина. Положив подбородок на скрещённые на палке для ходьбы кисти рук, старик угрюмо смотрел вперёд и сосредоточенно молчал. Он уже обратил внимание на то, что пришли далеко не все жители аула и что большая часть присутствующих относилась к его «элите» и принадлежала к пресловутой «партии» Хамурзы.

— «Не иначе как заранее организовано это наше собрание, — подумал Бека, исподлобья разглядывая сидящих в комнате людей с отсутствующим выражением на лицах. — Молодцы какие!..»

Бека знал, как себя вести и что сказать, но хотел сначала послушать других, чтобы точно понять сложившуюся ситуацию. Посмотреть, изменилось ли что-нибудь в людях со времён его непростой молодости или всё осталось по-прежнему. Но в комнате царил безмолвие, подтверждающее самые худшие опасения старого зрителя.

— «Как и предполагал... всё в первоизданном виде...» — усмехнулся Бека, незаметно скривив уголок рта.

— «А ты давно таким гостеприимным стал, Хамурза?..» — Его голос с еле заметной иронией неожиданно прозвучал в приглушённом гомоне. Хамурза вмиг напрягся.

— «Что ты хочешь этим сказать?.. Я что, кого-то обидел своим нерадушием? Кому-то в чём-то отказал?..» — взгляд Хамурзы суетливо забегал.

— «Ты помнишь, как в прошлом году офицер-отставник родом из нашего аула подал заявку на выделение ему участка под строительство дома?.. Ты здесь же с таким же пылом доказывал, что село давно переполнено и свободной земли больше нет, и что, если дела так и дальше пойдут, нам скоро шагу ступить будет негде, помнишь?..» — хитро сощурился Бека с невинным видом смотрел на побагровевшего Хамурзу.

— «Но он ведь получил землю!» — недовольно дёрнулся тот.

— «Но ведь не благодаря тебе, Хамурза!.. Или я что-то путаю?.. Так ты скажи. Люди ведь всё помнят, и, если я ошибаюсь, поправят», — старик не сводил взгляда с нахмурившего брови оппонента, который, не находя нужных слов для ответа, судорожно дёргал головой. Его близорукие глаза с затаённой враждой вглядывались в безмятежную фигуру зрителя.

— «Ну да ладно, речь сейчас не об этом... Я...» — договорить фразу Бека уже не успел. Двустворчатая дверь резко распахнулась, и в комнату вбежала бледная, запыхавшаяся Агунда. Влетев на середину комнаты, девушка с расширенными от испуга глазами еле слышно прохрипела.

— «Там... на святилище... на поляне... драка!.. Заур... и ещё один парень пострадали! Скорее! Они там сейчас и с полицией могут сцепиться! Скорее!..»

Мужчины, загремев стульями, быстро, но без суеты, один за другим стали выбегать во двор, почти на ходу запрыгивая в ожидавшие их автомобили. Через несколько мгновений длинная кавалькада из полутора десятков легковых автомобилей стремительно неслась на другой край аула по направлению к святому месту.

Глава 11

— «У-у-хх...» — резко выдохнул воздух Заур, одним ударом разрубив деревянную чурку. Он уже заготовил достаточно дров для обещанного шашлыка, но никак не мог остановиться. Он получал огромное физическое удовольствие от самого процесса работы. И хотя солнце уже всюю припекало, утренняя свежесть ещё не до конца была вытеснена обычным для этих мест летним удушающим зноем. Хорошо просматриваемые прямо со двора зеленеющие склоны ущелья радостно переливались и искрились, отражая солнечные лучи колышущейся листвой. Покрытые белёсой дымкой вершины гор наполняли душу каким-то вечным, непреходящим счастьем и покоем.

Залюбовавшись видами сверкающих скал, Заур остановился и опустил топор.

— «Господи-и-и!..» — заворожённо смотрел он на покрытые серой голубизной скалы, ощущая свою ничтожность перед этим созданным Богом великолепием, способным изгонять из людских душ всю накопившуюся грязь и усталость.

— «Люди непременно должны познать в этой жизни настоящее счастье, как было задумано Создателем при сотворении этого мира, — вдруг подумалось ему. — Должны!.. Но почему-то в подавляющем большинстве случаев это счастье проходит мимо нас, напрочь ослеплённых собственными страстями, с головой погружённых в свои мелкие интересы».

Неприятно щекоча, пот струйками стекал по телу Заура, но он стоял, не обращая на это внимания, и не мог оторваться от чудесного зрелища.

— «Заур-р-р!!!»

Юноша вздрогнул и оглянулся. Его ровесник и товарищ, живущий через три дома, встревоженно размахивая руками, бежал по пустынной улице в его сторону.

Заур прислонил топор к чурбаку и, заправив выбившуюся во время колки дров рубашку, пошёл к забору. Подбежав вплотную к Зауру, парень ухватился за металлические прутья ограды и замер, пытаясь восстановить дыхание. Тревожно вглядываясь в хватающего воздух открытым ртом товарища, Заур чуть подождал, а затем озабоченно спросил:

— «Что случилось-то?.. Можешь ответить, наконец?.. — Но, не получив от запыхавшегося парня ответа, стал нетерпеливо теребить его за плечо: — Алё-ё-ё! Приди в себя!..»

— «Там... на дзуаре... машины... экскаваторы!.. Стройматериалы! — наконец, приходя в себя, затараторил парень, судорожно хватая друга за руку. — Зови деда! Скорее!..»

Услышав это, Заур опешил, не зная, что делать. Но через мгновение встрепенулся и решительно заговорил:

— «За дедом сейчас пошлю, а ты беги быстро, собирай всех наших! Встречаемся у дзуара через десять минут! Если они начнут копать, возражать будет уже поздно»

— «Хорошо!..» — Мурад, так звали парня, резко развернувшись, сорвался с места.

— «Заур, что случилось?..» — Агунда, прикрывая глаза от солнца ладонью, стояла на крыльце и вопросительно смотрела на напрягшегося брата. Тот стремительно обернулся на её голос.

— «Быстро сходи за дедом! На святом месте появились незваные гости. Поняла?.. Только быстро!» — Затем он повернулся и, перемахнув через забор, помчался со всех ног по залитой солнцем пустынной улице.

Обескураженная девушка хотела остановить убегающего брата, но, поняв, что не успеет этого сделать, остановилась и оглянулась в сторону дома. Постояв в нерешительности несколько секунд, она кинулась бежать вслед за скрывшимся из поля зрения братом.

— «Ну-ка, малец, сейчас же уйди с дороги по-хорошему!» — экскаваторщик, мужчина среднего возраста, высунув из кабинки круглое лиловое лицо, рычал на Заура, преградившего дорогу его машине. Расставив ноги, юноша стоял по центру только что разобранный проход, спокойно взирая на ревушую технику. Юноша молчал, исподлобья наблюдал за выстроившимися в очередь тракторами и «КамАЗами», доверху гружёнными строительными материалами. Не понимая, в чём дело, водители других машин, явно недовольные непредвиденной задержкой, тоже покинули свои кабины, поспешив в начало колонны.

— «Ну, ты посмотри на него!.. Ты вообще кто такой?» — спрыгнув на землю из своей высоко расположенной кабины, экскаваторщик подошёл к неподвижно стоящему парню.

— «Я местный житель, а это — наше место молений! И вы не имеете права использовать эту землю, купленную втихомолку», — не торопясь, проговорил Заур, оставаясь равнодушным к интонациям в голосе мужчины.

Не зная истинного положения дел и не желая вступать в непонятный конфликт с незнакомым парнем, у которого могли быть соратники, водители, собравшись в кучку, стали вполголоса что-то обсуждать. Они были осетинами, и им претило столь грубое нарушение общественного права. Убедившись в бесполезности дальнейших требований, грузный экскаваторщик с досадой сплюнул и, отойдя в сторону, вынул из кармана дешёвый мобильный телефон. Тем временем к Зауру стали присоединяться сельские парни довольно крепкого вида. Они молча окружили юношу и с решительным видом повернулись в сторону незваных гостей. Держа телефон у уха, экскаваторщик прищуренным взглядом молча наблюдал за экстренным прибытием «вражеского» подкрепления и недоумённо покачал головой. Он так долго ждал, когда наконец ответят на его звонок, что уже начал терять терпение. Ставшие невольными участниками инцидента водители и рабочие тоже умолкли и с интересом наблюдали за плотно стоящей группой молодёжи, по виду которой было однозначно понятно: уступок не будет. Наконец экскаваторщик дождался соединения и, отойдя от группы стоящих в проходе ограждения парней, начал что-то горячо объяснять своему невидимому собеседнику, сопровождая громкие слова резкими жестами рук.

— «Да! Прямо так нагло!.. Не знаю, кто такие... Пацаны молодые... Да! Жду!» — отключив телефон, мужчина с недовольным видом положил его в карман и, уже обращаясь к коллегам, продолжил.

– «Что мне, драться с ними, что ли?.. Мне за это не платят! Пусть приезжают и сами разбираются!..» -

Те в знак одобрения его слов дружно закивали головами. В этот момент на поляне появилась разгневанная от бега Агунда. Со сжатыми кулаками и вздымающейся грудью, она кинулась к брату.

– «Ну как?.. Что они решили?» -

– «Ты почему здесь, безмозглая? Я что сказал тебе делать, курица?..» – от переполняющего его возмущения Заур с трудом выдавливал из себя укоряющие слова.

– «А вдруг я бы опоздала?..» – оскорбилась сестра, упрямо встряхнув свободно распущенными волосами. Сцена была настолько нелепой, что от смеха не удержался никто. Смеялись и товарищи Заура, и все слышавшие водители с рабочими, и даже экскаваторщик невольно растянул толстые губы в некое подобие улыбки. Лишь Заур, кипевший от негодования, остался серьезным и шипящим голосом снова прохрипел.

– «Ну конечно, как мы тут без тебя?!..» – несколько мгновений он, повернув голову, сверлил злым взглядом сестру, а потом приказным тоном добавил – «А ну брысь отсюда, длиннохвостая!» -

Поглощённые наблюдением комичной ситуации люди не заметили, как на грунтовке, ведущей к колонне грузовиков, появились три легковые автомашины и, проваливаясь в глубокие ухабы извилистой дороги, стали приближаться к месту событий. Кто-то из стоящих рядом товарищей толкнул в бок Заура и кивком головы обратил его внимание на подъезжающий кортеж. Только тогда большинство присутствующих оглянулись и увидели аккуратно объезжающие стоящую на дороге колонну шикарные иномарки. Окна с заводским затемнением не позволяли разглядеть ни лиц сидящих внутри людей, ни их числа. Беззвучно проследовав мимо неподвижной строительной техники, автомобили плавно притормозили в начале колонны около экскаватора, и сверкающие никелем дверцы выпустили наружу группу молодых людей. Шедший во главе группы из шести человек грузный тип лет тридцати, с надменным, самоуверенным выражением лица, пренебрежительно взглянув на преграждавших дорогу юношей, деловито подошёл к экскаваторщику. Они вполголоса о чём-то побеседовали, изредка кидая недобрые взгляды на замерших в проломе забора местных парней; затем визитёр решительно направился к ним.

— «Ну... Что это за дела?..» — спросил он, став напротив Заура, которого его опытный глаз сразу определил как лидера группы. — «Что вы тут бунтуете? У нас всё по закону. Могу показать бумаги. Если что-то не нравится — решайте там, у себя, в местном самоуправлении. Ваш глава — в курсе... А теперь не мешайте нам, иначе будем говорить по-другому!.. Дайте машинам проезд, говорю! Деньги плачены за каждый час. Ну?»

— «Если тебе, осетину, нужно объяснять, почему мы не пускаем на наше святое место твои машины, то, думаю, разговаривать нам с тобой не о чём!» — Заур с равнодушным видом приподнял подбородок и с «приветливой» улыбкой посмотрел на визави. — «И доказывать мы ничего не собираемся. Ты сам знаешь, как «по закону» была куплена эта земля, и поэтому давай не будем притворяться и изображать озабоченных справедливостью законопослушных граждан, ладно?»

— «Ты кто такой?.. Щегол!.. Ты меня что, жизни учить будешь?» — моментально побагровев, заревел мужчина, переходя на крик: — «Ну-ка пошли вон отсюда, щенки безмозглые! Ребята, помогите этим «колхозникам» понять, где можно рот разевать, а где не стоит... За мной!»

Мужчина с ходу попытался схватить руку одного юноши из противостоящей ему группы, но, тут же получив сильный удар в лицо, кулем рухнул на нагретую солнцем землю. В одно мгновение напряжённое ожидание сменилось хаосом завертевшейся схватки. Кинувшиеся на

помощь своему предводителю крепкие, спортивного вида парни были остановлены ожесточённым сопротивлением малочисленных, но упорных защитников святого места.

С детства привыкшая к тяжёлому труду сельская молодёжь, если и уступала приезжим в техническом аспекте, то в силовом, даже несмотря на свой возраст и худощавость, явно превосходила их. Драка переросла в длительное и жестокое противостояние двух группировок. Хрипы, крики, стук падающих тел смешивались с болезненными стонами и глухим звуком ударов. Уклонившись от кулака, кинутого ему в лицо одним из прибывших, Заур изловчился и, поднырнув под его руку, позволил сопернику провалиться в образовавшуюся за ним пустоту. Через мгновение услышав за своей спиной тяжёлый стон, он понял, что того достойно «угостили» прикрывающие его спину товарищи. Резко распрямившись, он мощным ударом ноги встретил следующего летящего ему навстречу противника, сопровождая отработанное до автоматизма движение громким гортанным выкриком. Мужчина, согнувшись пополам, взмыл в воздух и исчез за спинами других нападающих, волной накатывающихся на упрямый «волнорез» из местного населения. Внезапно «волна» атакующих отхлынула назад, оставив обороняющихся стоять на поле боя в напряжённых позах. Рабочие и водители медленно шли по разделительной линии противоборствующих сторон колонной по двое в ряд, по пути останавливая особенно ретивых и не давая противникам продолжать превратившуюся в ожесточённое побоище драку. Наступила вынужденная пауза. Нападающие ненадолго отошли.

У одного из местных парней была сломана рука. Он сидел на земле и, бережно прижимая к груди повреждённую конечность, корчился от боли. Один из приезжих мужчин, облокотившись на двух товарищей, с трудом ковылял в сторону стоящих неподалёку от места драки автомобилей. Разбитые губы, сломанные носы, кровоподтёки и синяки были не в счёт: это был ещё не конец событий, и всё это понимали. Оттащив парня со сломанной рукой в сторону от прохода и оставив под опекой Агунды, уменьшившийся на одного бойца отряд Заура, готовый к отражению новой атаки, вновь занял свою позицию в проломе стены.

С растрёпаннейшей причёской и стружкой крови в уголке рта Агунда походила на фурию. Конечно, девушку никто не бил, просто она, не желая оставаться в стороне от происходящих событий, сама лезла в самую гущу дерущихся, изо всех сил мешая и тем, и другим. Мужчины не хотели задеть мелькающую всюду ненормальную девку, но когда они толкали друг друга или, сцепившись, падали на землю, она, естественно, летела вместе с ними, наталкиваясь то на чью-то голову, то на колено, а то и просто на земляную кочку. Хлопоча около пострадавшего парня, она была крайне озабочена вопросом, чем может ему помочь, и совершенно не чувствовала боли от ушибов.

— «Агунда...» — негромкий полушёпот брата вывел её из оцепенения, в которое она невольно впала от охватившего её волнения. — «Иди сюда, сестрёнка»

Она быстро подскочила к нахмуренному брату.

— «Беги, девочка, в село... Позови старших. Чувствую, так просто не обойдётся», — Заур умоляюще взглянул на возбуждённую дракой сестру. Огромный синяк и разбитая губа «украшали» её слегка бледное лицо.

— «А как же вы?..» — тоже горячим шёпотом прошептала Агунда, озабоченно глядя на брата.

— «Я прошу тебя — беги... не рассуждай... Иначе будет худо. Они сейчас полицию вызовут, и тогда все наши усилия будут напрасными. Беги, прошу тебя!»

Несколько мгновений Агунда, не зная, как поступить, растерянно озиралась, затем стремительно сорвалась с места и побежала в сторону села.

Между тем в стоящей у своих автомобилей «городской» группе начались непонятные волнения. Пришедший наконец в себя «вожак» яростно метался между парнями и, отчаянно жестикулируя, к чему-то горячо призывал. В какой-то момент, несмотря на попытки удержать его, он оторвался от своих друзей и почти бегом устремился к стоящей у проёма забора

группе Заура. Плотный строй серьёзно настроенных работяг преградил ему путь, но... два оглушительных выстрела, произведённые в воздух из сверкающего гранями воронёного пистолета, заставили их невольно расступиться. Держа пистолет в судорожно вытянутой руке, мужчина протаранил отшатнувшихся в обе стороны рабочих и с перекошенным от ярости лицом ринулся в сторону сельских парней. Секунда — и будет целенаправленный выстрел! Проследив по направлению прицела, Заур сразу понял, кто из его товарищей может пострадать, и с предельной быстротой бросился вперёд. Когда темноволосый парень, недавно вернувшийся из армии, увидел направленное на него оружие, он с презрительной гримасой прыгнул навстречу нападающему. Дальше всё происходило, как во сне. Ноги Заура, помимо его воли, мощно оттолкнулись от земли, и он полетел наперерез метнувшемуся вперёд юноше. Его усталое, побитое тело вдруг стало невесомым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.